

СТЕНОГРАММА
ЗАСЕДАНИЯ В РАМКАХ ПРОГРАММЫ СВОП
"РОССИЯ В ГЛОБАЛИЗУЮЩЕМСЯ МИРЕ"

28 ноября 2000 г., гостиница «Арбат»

С.Караганов. Уважаемые господа, дорогие друзья, мы не будем ждать опаздывающих, которых будет еще несколько человек, по крайней мере, начнем.

Сначала, перед тем как предоставить слово нашему основному докладчику и основному содокладчику, а основным докладчиком является господин Никонов, хотя, так сказать, мы все могли прочесть его текст очень интересный, с моей точки зрения, поэтому, наверное, он может ограничиться очень коротким изложением его, и с чуть более длинным изложением своего текста, который был распространен в качестве содоклада, только буквально сегодня-вчера выступил господин Салмин.

Перед этим я хочу вам напомнить о том, о чем сейчас идет речь. Совет по внешней и оборонной политике, руководствуясь, как нам кажется, всегда интересами нашего общества и страны, решил начать большую программу, которая называется «Глобализация и Россия». Ее причиной явилось беспокойство членов Совета в отношении того, что Россия в очередной раз уже не только экономически, политически, но уже и интеллектуально промахивается мимо тех тенденций, которые сейчас набирают или набрали уже силу в мире, и что происходит в какой-то мере очередной этап самопровинциализации российского руководства, и мы таким образом лишаемся возможности адаптации к новому миру. И главная задача нашего процесса, который будет выражаться в серии докладов, подготовки серии докладов и серии обсуждений, публикаций результатов обсуждений не только и не столько научная, мы будем поддерживать все научные исследования в силу тех возможностей, которые у нас, политических возможностей, СМИ. Тем более, что кое-какие научные работы ведутся, есть книга Иноземцева, есть книга нашего друга Делягина. Вот, сейчас мне только что принесли, присутствующий здесь господин Красильщиков принес еще одну большую книгу, которая выпускается, и которая будет называться «Постиндустриальный мир России», ответственным редактором которой выступает он и господин Хворост.

Речь идет, повторяю, не только о научном собственно обсуждении, мы не научный семинар, хотя как иногда нам случалось добиваться и значительных умственных результатов. Речь идет скорее об образовательном и самообразовательном процессе и проекте, который будет нацелен на то, чтобы втягивать нашу элиту в ту дискуссию, которая ведется в мировом сообществе, и втягивать нашу элиту во внешний мир. Сейчас, если вы внимательно читаете мировую дискуссию о глобализации, вы увидите, что там существует как бы огромный позитивный накат со стороны людей выигрывающих и интеллектуально передовых, возрастает и сопротивление глобализации, притом которое базируется, с моей точки зрения, не на тех людях и не на тех слоях, которые собственно действительно крупно проигрывают от глобализации, то есть от беднейших, или от «новых бедных», или от новых бедных стран, но сколько от среднего класса в развитых странах, который боится потерять в процессе очень быстро начавшихся перемен свои достаточно приятные позиции, которые он имел. А действительно сейчас в силу этих перемен, которые мы будем обсуждать, мы начинаем терять, этот средний класс начал терять свои позиции.

Вот, поэтому мы начали вот этот процесс, и вот сейчас мы наметили примерно шесть или семь тем, которые мы будем обсуждать в этом процессе. Думаю, что одному из, думаю, что одна из этих, или может быть предварительный доклад будет обсуждаться на нашей ежегодной ассамблее. Мы сделаем по первым результатам и заявкам на будущее некий доклад, который будет обсуждаться на нашей ассамблее. Вот, и повторяю, смыслом является втягивание нашей элиты политической, деловой, интеллектуальной, наших преподавателей и так далее в дискуссию на относительно современном уровне. Потому что, как ни

парадоксально, благодаря тому, что а) мы не понимаем, что такое глобализация в массе своей, б) потому что в общем люди боятся потерять, инстинктивно не понимая, что это такое. Но у нас, конечно, превалируют в основном в дискуссии негативные оценки этих процессов и инстинктивное стремление от них защититься. Совершенно ясно, что, вот, господин Иноземцев пришел, один из классиков российской глобализации. Вот, садитесь, поскольку мы только что называли, что Вы один из классиков, а Вы прячетесь назад. Господин Иноземцев, садитесь вперед, вот здесь сколько угодно места.

Значит, одной из составляющей частей этого процесса, помимо того, что мы будем готовить доклады, распространять их, устраивать дискуссию, будет происходить и публикация журнала «Глобальный мир и Россия», договоренность о котором, о его финансировании практически достигнута, хотя, как вы догадываетесь, в России есть одна вещь, которая когда говорят о деньгах, нельзя говорить пока их у тебя нету, они у тебя не заплачены, до тех пор, пока наш видный бизнесмен, так сказать, и основатель движения предпринимательского согласно кивает головой, он много раз собирал деньги, да, и печально. А в принципе, значит, достигнута договоренность о финансировании. Этого журнала, притом это должно быть весьма престижное издание, потому что иначе его издавать бессмысленно, если это будет еще один журнал. Вот, это будет не политический журнал, а именно научно-образовательный, при том со вторым элементом. Он будет наполовину состоять из подготовленных нами материалов или авторами заказных материалов оплаченных, и наполовину из перепечаток из лучшей зарубежной прессы. Достигнута, это только для нас с вами, не выходя за эту комнату, предварительная договоренность о совместном издании этого с наиболее престижным из существующих в мире журналов по международным отношениям. Идут переговоры о создании такой же договоренности еще и с наиболее престижным в будущем по этой проблеме журналом, который становится как бы глашатаем, но глобализация тоже, но еще до сих пор не определил свою форму. Таким образом, с самого начала мы будем издавать его совместно, но редакционную политику будет решать, она будет определяться здесь, то есть это будет не иностранное издание, это будет российское издание, которое будет предоставлять разные, точки зрения разных людей, но в то же время которое будет иметь своей целью позитивный элемент – это обучение, самообучение и так далее.

Вот, в рамках вот этого мы, собственно говоря, и проводим первое заседание. По его результатам будет подготовлен еще один доклад, и потом мы его где-нибудь будем публиковать. Мы благодарим наших товарищей, которые уже сделали определенную работу. Это наши крупнейшие политологи – господин Никонов и господин Салмин. И предоставим им слово. Я заранее извинюсь, что если мы, так сказать, задержимся за семь, я вынужден буду уйти, потому что здесь мы пока все еще славные и здоровые, а я вынужден буду уйти на вечер памяти в 7.30 одного, так сказать, близкого человека, и поэтому я извиняюсь и передам, а впрочем, я могу с самого начала передать возможность руководить этим собранием одному из наших членов, поскольку у нас все равно по традиции всегда есть ротация.

Это правильно, но я не хочу вашу творческую активность... Если люди захотят еще поговорить, между прочим, они имеют это право. Не так редко по этому предмету мы можем поговорить, поэтому я с удовольствием предоставляю возможность господину Рубанову вести эту встречу. Значит, все.

В.Рубанов. А, значит, назначил тамаду. Значит тогда, Вячеслав Алексеевич, Вам слово.

В.Никонов. Я с разрешения председательствующего буду предельно краток. Нравится нам это или не нравится, но глобализация идет. Сочкануть ее не удастся. Она надвигается также объективно, как в свое время надвигалась индустриализация. Некоторые страны сочканули индустриализацию, в Африке в основном, но ничем хорошим для них это не кончилось. Так что сейчас, я считаю, очень правильной инициативу СВОПа разобраться с тем, что происходит, вообще что для нас означает глобализация, что она означает для

различных государств и что России делать в этой ситуации. Собственно изначально было проведено обсуждение, в котором было намечено 8-9 пунктов, по которым будет писаться большой доклад Совета по внешней и оборонной политике, а вот восьмым или девятым пунктом там был обозначен вопрос о влиянии глобализации на государство. Так что то, что мы сегодня обсуждаем – самая незначительная часть того, что предстоит еще обсуждать в организационном контексте, потому что на самом деле глобализация – это, прежде всего, экономический феномен и лишь во вторую очередь – влияние глобализации на государство во многом вторично. Короче и лучше, чем я уже написал в этих тезисах, которые были разосланы, я уже не скажу, поэтому я на этом свои замечания ограничу и с удовольствием послушаю те замечания, которые поступят от участников нашего сегодняшнего обсуждения.

В.Рубанов. Алексей Михайлович, тогда, наверное, Вам слово?

А.Салмин. Спасибо, но у меня довольно сложное положение. Дело в том, что мои тезисы не разосланы, но розданы, они здесь присутствуют. Я боюсь, что присутствующие не успели с ними ознакомиться, но не по моей вине – меня просто не было в Отечестве, поэтому я в последний момент их привез сюда и не успел их согласовать в том, что написал Вячеслав Алексеевич. Поэтому я, может быть, позволю себе в двух словах сказать, что здесь написано.

Начну прямо с эпитафии. Здесь есть эпитафия. Эпитафия такой – глупо и стыдно так слепо верить, как верят ныне большинство людей, в безличный земной рай, освещенный электрическими солнцами и разговаривающий посредством телефонов от Камчатки до мыса Доброй Надежды. Это сказал Константин Михайлович Леонтьев в 1890 году, т.е. 110 лет тому назад, незадолго до своей смерти. Так вот сегодня, как мне кажется, существует масса всяких последствий глобализации, с которыми мы сталкиваемся, и иногда не очень просто отделить то, что связано с собственной глобализацией, от явлений, которые неизбежно с ней связаны, а сейчас все связано с глобализацией, все ею опосредованно, но вызвано другими причинами. Мы сегодня, как мне кажется, сталкиваемся, по крайней мере, с пятью элементами новой ситуации, в которой глобализация так или иначе замешана. Это – экономизация политики, т.е. экономическая составляющая внутренней и внешней политики все больше и больше выходит на первый план, по крайней мере так происходит в виртуальной реальности, по крайней мере так стало принято считать. И это очень важный момент. С этим надо разобраться, поскольку на самом деле все не так просто. Второе. Грань между внутренней и внешней политикой стирается, и это, между прочим, тоже на самом деле большая проблема, поскольку это – тоже некая виртуальная реальность, но уже некая константа, некая констатация, с которой приходится сталкиваться. И если мы придем к каким-то другим выводам, то нам придется их сегодня доказывать. Причем доминирует мнение, что внешнеполитические императивы становятся господствующими. По моему глубокому убеждению все гораздо сложнее. Действительно, внешняя и внутренняя политика может сегодня быть даже чисто организационно больше соприкасаются, чем когда бы то ни было в прошлом. Но в каждом конкретном случае надо всегда смотреть конкретно, что происходит. Так или иначе сегодня, учитывая, что все большую роль в жизни любого государства, в жизни всего мирового сообщества играют международные организации, по крайней мере для России это имеет тот непосредственный вывод, имеет то непосредственное значение для России, что России необходима стратегия для работы с международными организациями. А у нас сегодня, к сожалению, такой стратегии нет. Не знаю, может быть участники нашей встречи как-то смогут корректировать эту точку зрения, но, по-моему, после смерти Георгия Габунии, в общем, этим никто особенно и не занимается в теоретическом, по крайней мере, плане.

Государство, национальное государство я имею в виду, которое сегодня отказывается от некоторых своих функций и иногда вполне организованно передает их, оставляя свою территорию, а иногда просто бросает эти функции, которые подбираются самыми разными структурами, властями различных уровней вплоть до местного, а также различными неправительственными организациями. Причем сталкиваться с этим мы будем на каждом

шагу и уже сталкиваемся. И знаменитое дело Никитина тому свидетельство. Так что к этим ситуациям надо готовиться как в юридическом плане, так и в политическом.

Очень интересные изменения всегда нами замечаемые происходят в области международного права. На протяжении 20-го века произошло любопытное смешение акцентов. Если еще в начале века действовал принцип, сформулированный в середине 17 века, т.е. принцип вестфальского мира о национальном суверенитете и следовательно о защите государственных интересов, то к середине 20-го века наряду с этим принципом укрепился принцип суверенитета народов, принцип самоопределения, который создает, как мы прекрасно знаем, очень большие проблемы в современном международном праве, поскольку является только одним из принципов, доминирующих в этой области, поскольку есть еще и принцип нерушимости государственных границ, т.е. противоположный ему и плохо с ним согласующийся. Так вот в последнее время все определеннее на первый план выходит третий принцип, который не отменяет первых двух, но как бы создает такое меню почти компьютерного свойства. Т.е. есть еще один теоретический принцип международного права, применяемый на практике, - принцип суверенитета народа и, соответственно, безопасности гражданина. И мы видим практические последствия этого принципа – вмешательство по внутренним делам ряда государств, особенно тех, которые признаны что называется *sound state*, т.е. несостоявшимися государствами. И все эти три принципа существуют. И России, на самом деле, надо примеряться к этой реальности, сделать для себя выводы. Тем более, что Россия совершила в свое время один очень интересный поступок, зафиксировав в статье 15 своей Конституции принцип приоритета международного права над внутренним правом, что само по себе вроде бы и нормально, потому что нет наверное сейчас ни одной страны, которая заявила бы, что она не будет выполнять международные договоры, что принцип *pacta sunt servanda* не действует, однако же это очень странно с точки зрения некоторых государств. Я, например, в Европе знаю очень мало стран, которые занесли бы такой принцип в свои конституции. И причина здесь не в том, что они не собираются выполнять международное право, а в том, что эти государства считают свое национальное право важнее и сильнее международного, считают, что международное право обеспечивается внутригосударственным, а не наоборот. У нас произошло все наоборот, и это может иметь очень серьезные последствия, и уже сегодня наши граждане могут апеллировать, правда, пройдя все инстанции в России, в Европейский суд по правам человека, и этот суд выносит решения, не подлежащие обжалованию. И таких жалоб в Европейском суде сейчас тысячи. Правда, Россия там не на первом месте, но их уже тысячи и количество их увеличивается по экспоненте. Вопрос очень серьезный. И если сегодня он кажется несколько преувеличенным, гипертрофированным, он тем не менее очень серьезный. Либо мы создаем с вами свою национальную правовую систему, свою национальную судебную систему, которая внушала бы людям доверие, а такие системы существуют во многих странах Европы и люди очень редко жалуются в Европейский суд по правам человека, поскольку доверяют вердиктам своих судов, либо мы собственно открываем ящик Пандоры, т.е. мы создали ситуацию, которая грозит нам потерей суверенитета над собственной юридической системой.

Вообще, когда мы сегодня говорим о глобализации, должен сказать, что возникает ощущение «дежа-вю», ощущение уже увиденного. Любой историк, и Владимир Николаевич Рыжков согласится со мной, что если мы обратимся к текстам начала века или даже конца прошлого века, а я не случайно привел цитату из Леонтьева, мы видим удивительно много похожих вещей: если мы почитаем политологов или социологов прошлого века, хотя политологии как таковой тогда не было либо она так не называлась, то в эпоху интернационализации финансового капитала мы увидим возникновение валютных союзов, например, греко-латинский валютный союз, мы увидим как росло влияние банков или монополий на принятие политических решений, мы увидим международные неправительственные организации как Социалистический рабочий интернационал больше известный как Второй Интернационал, молодежные организации, женские организации и т.д., и т.д., только экологических разве что не было. И ситуация очень похожа. Потом

происходит кризис и крах Первой мировой войны, потом Вторая мировая война, биполярность. В результате в 60-70-ые годы мы больше говорим о процессах, которые происходят на международных аренах, в терминах конвергенции, сближения систем и т.д., и т.д., не возвращаясь к этой старой парадигме 20-го века. Сегодня мы к ней возвращаемся. Чрезвычайно любопытно, что современные работы по глобализации выглядят сегодня если не как плагиат, то просто как сборник цитат из работ начала века, но не во всем, конечно, поскольку ситуации сейчас другие. Более того, современное искусство, ретроспективное искусство, ретроискусство – оно тоже фиксирует, как правило, сосредотачивается на ситуации, причем как раз преподносит нам как некий удачный рай вот эту вот глобалистскую, интернационалистскую сторону этой цивилизации, предшествующей Первой Мировой войне. То есть, иными словами, как мне кажется, чтобы теоретически корректно поставить проблему, имеет смысл говорить о возникновении сегодня второго исторического варианта парадигмы глобального мира. Если это так, то разумно посмотреть и на те силы, которые сегодня угрожают этой парадигме, потому что мы видим, с какой невероятной скоростью, просто моментально, разрушилась первая парадигма в свое время на глазах буквально не то что поколения, а в несколько лет, в течение нескольких лет.

И вот здесь я думаю, что, ну, во-первых, конечно, сегодня противостоят этой парадигме все наследники «лудитов», там, героев 68-го года, все те, кто оппонирует сложившейся, возникающей системе, с позиций гуманистических, с позиций наследников Ренессанса. Корни этой позиции уходят в европейское Возрождение. Во-вторых, активные приверженцы традиционных религиозных ценностей, для которых неприемлемы как некоторая форма глобализации, некоторое проявление глобализации, так и некоторые ее последствия. В-третьих, это националисты. Я не буду говорить подробно, но я думаю, что казус Хайдера, который мы наблюдали в Австрии, это первый звонок. Ни одна из стран не гарантирована от появления такого рода ситуаций, и я думаю, что они могут стать скорее правилом, чем исключением, поскольку причины, которые порождают их, отнюдь не устраняются глобализацией, а усугубляются, тем более, что одновременно в той же ситуации, в той же бинарной ситуации, и часто в этих же самых странах возникает еще одно явление, которое тоже угрожает этой глобализации подрывом ее изнутри – это движение меньшинств, всяких новых эмигрантов, не обязательно новых эмигрантов, которые вытесняются на обочину, маргинализируются в результате процессов, отчасти связанных с глобализацией, во всяком случае усилены глобализацией. Наконец вполне вероятно возникновение социальных движений, которые интегрировали бы тех, а неизбежно появление таких групп в обществах, и причем в наиболее развитых обществах, а не только в не очень развитых обществах, которые теряют от глобализации. Я думаю, что, вот, в том, что происходило в Сиэтле, мы видели соединение и, вот, этого ренессансного, что ли постренессансного, постренессансной реакции на глобализацию и, вот, этой, вот, новой социальной реакции. Пока они еще не разделились, хотя это сущностно разные вещи, но они различны действительно, и они неизбежно будут возникать.

Я не исключаю реакции на глобализацию, причем довольно резкой, и со стороны ряда властей разного уровня, в том числе и национальных правительств, не исключая самых влиятельных, в том числе и правительство США, в тех ситуациях, когда эти национальные политические центры поймут, что они не готовы, что их избиратели не готовы платить за выполнение определенных ролей, ну, например, за выполнение роли международного жандарма или каких-то других ролей, связанных с глобализацией. И наконец, это все внутри, а извне уже сегодня системе противостоит достаточно пестрый фронт различных движений, который мы, ну, пока упрощенно называем «фундаменталистскими», все те движения, которые выступают в принципе против светского государства, светского государства образца 17-го года, того светского государства, которое сегодня отдает часть своих полномочий международной безличной, естественно совершенно уж светской системе. Причем эти движения – совершенно не важна их природа религиозная, в данном случае сегодня мы сталкиваемся преимущественно с исламским фундаментализмом, с каким мы столкнемся завтра на периферии этого, вот, мирового глобального острова – я не берусь

предсказывать. Ну, по крайней мере, я думаю, что ни одна конфессия не гарантирована тоже от возникновения в ее среде такого рода движений.

То есть, иными словами, я думаю, что в ближайшее время, конечно, эти вызовы – они, вот, эту, вот, машину глобализации не сломают, но принять их во внимание необходимо. Они будут испытывать глобализирующуюся систему на прочность, но в то же время, я думаю, что главная угроза, как это было и в 14-м году, этой системе ... это не угроза извне и не угроза изнутри, а угроза внесистемных сил, это угроза, идущая от самих системных элементов, которые не создали гибкую, достаточно шарнирную систему, как это и произошло в момент, когда рухнула предшествующая глобальная модель. И вот я думаю, здесь необходимо чрезвычайно большое внимание, вот, именно к этим элементам, потому что если что-то сломается на этом уровне, то все остальные придут моментально и эту машину разнесут в течение недель. Спасибо.

..... . Одно замечание. Я прошу прощения, Алексей Михайлович. Тут, по-моему, есть одна такая неточность. В 15-й статье Конституции говорится о приоритете международных договоров, не права как такового. Международный договор все-таки проходит процедуру, он становится законом.

В.Рубанов. Спасибо. Переходим к обсуждению докладов. Кто первый желает высказаться? Да, Сергей Александрович, пожалуйста.

С.Караганов. Во-первых, мы только начинаем процесс, мне кажется, что оба, два доклада, доклад, вернее, и содоклад дают серьезную основу для того, чтобы двигаться дальше, и действительно надо сказать «спасибо» нашим выступающим, которые немало подумали и немало написали. Я думаю, что по результатам этого обсуждения мы сделаем маленький доклад, его опубликуем, а потом будем делать большой доклад по этой, собственно, теме, потому что она богатая.

Я, со своей точки зрения, поставлю несколько вопросов и выскажу несколько соображений очень короткого характера, связанных с этой темой. Первое – я бы призвал всех нас, вот, не только сейчас анализировать процессы глобализации и их воздействие на современные государства и международную систему этих государств, что очень важно, но давать, высказывать мысль о том, что делать российскому государству для адаптации, потому что вообще вся, кроме, собственно, кроме образовательного пафоса нашей программы, все-таки наша программа нацелена на то, чтобы поддержать интеллектуально наше государство в процессе приспособления к этой системе, как бы процесс этот приспособления ни происходил: там, позитивно или негативно. Это – первое.

Второе. Вот, один из вопросов, которые я хотел бы в этой связи поставить на наше обсуждение, и которых почти нет в этих докладах, хотя есть в интеллектуальном багаже нашего Совета. Ну, я напоминаю, что мы начинали в жарких дебатах по поводу будущего партсистемы. Я помню, как белый, а потом красный сидел ... тогда симпатичный, ровно на 9 лет моложе, молодой, Алексей Салмин, когда его, значит, доклад по партийной системе был, Сергей Юшенков там тогда еще был, нас, это был один из первых докладов Совета, нас было человек тогда 17-20.

Нет, в зависимости от того, как тебя обвиняли, то бледнел, то краснел ... с какой стороны: когда били «белые», ты краснел, когда били «красные», ты белел ... по известному разговору.

Значит, совершенно ясно, что, вот, процесс, для меня во всяком случае, совершенно ясно, что процесс глобализации, особенно в той его информационной части, в изменении традиционных подходов больших масс населения подрывает партийную системы, вообще партию. Это одно из последствий процесса глобализации. Мы тогда это обосновали, кстати говоря, в очень ожесточенной борьбе не между «правыми» и «левыми», а между теми, кто хотел создавать партии, и кто считал, что это дело гиблое, и создавать это не надо. Надо сказать, что несколько наших товарищей создали эти партии, и теперь страдают от этого, поскольку партии в большинстве своем развалились. Но, вот, а в данной ситуации у нас,

просто перед нами стоит вопрос: а как приспособливаться на современном, во-первых, правилен ли этот вызов, и надо ему, наверное, посвятить в этом новом докладе достаточно существенный кусок. Правилен ли этот вывод сейчас, что в принципе, вот, процессы информационной революции, переадаптации, новой социальной адаптации людей к нетрадиционным взглядам, а процессы гораздо большей мобильности людей, и территориальные, и социальные, которые подстегиваются процессом адаптации, подтверждает ли это вызов о гибели партии, здесь чуть-чуть, ну, есть, да. Это – первое.

Второе – а что это означает для России? Вот, что будем создавать эти партии, и потом смотреть с удовлетворением интеллектуальным на творения и гражданским, как эти партии валяются одна за другой? Или надо, так сказать, создавать что-то другое? Для того, чтобы создать эффективно действующую политическую и демократическую систему, это – первое.

Второй вопрос – это вопрос, который относится непосредственно к нашей жизни, и который очень существенен. Мы только что констатировали, и это является общим как бы сейчас никем не оспаривается, это то, что одним из выражений процесса глобализации является увеличение роли, уход власти и влияния от государства через, там, сложные системы к гражданскому обществу или к организации гражданского общества, не обязательно позитивным, кстати говоря. Очень часто как бы они, ну, с точки зрения и не только государства, но и многих, большинства в этом государстве, они носят негативный характер. Но тем не менее, оказывают гораздо более мощное влияние, чем когда бы то ни было. Так вот сейчас мы находимся в очень интересной, в очень интересном периоде развития: мы полностью подвержены или почти полностью, не так глубоко, как, скажем, более развитые страны, но в большей степени подвержены всем влияниям, вот, этих глобализирующихся систем. И в то же время у нас в последние годы произошло очень медленное создание гражданского общества и институтов гражданского общества, а в последние годы, может быть, в силу целого ряда случайных и полуслучайных обстоятельств, этот процесс был даже развернут вспять, последние 2-3 года. И что у нас тогда получается? Получается, что мы становимся объектами, а возможностей адаптации общества нет, и/или эти возможности будут появляться сугубо в деструктивном направлении. В этой связи не исключено, что может быть наряду, там, с созданием партией, а все равно государство будет роль играть какую-то в создании партий, государство должно начинать создавать не только закон о партиях, но и закон об организации гражданского общества с тем, чтобы искусственно стимулировать, учитывая наше историческое опоздание в этой области, создание различного рода организации, которые бы затем смогли брать на себя некоторые адаптивные функции к новой ситуации. Я не уверен, так сказать, что такие рекомендации выполнимы, но как интеллектуальная постановка – она совершенно очевидна, потому что мы видим, что в нынешних обстоятельствах практически никто этим как бы не занимается, а часть руководящего класса даже довольна, что, понимаете, ну, не давят на них сейчас, как давили, да. Ну, так это не давят, как давили, еще некоторое время, а потом будут давить так, или будут обстоятельства давить так, что, а инструментов взаимодействия с этими проблемами у государства и, соответственно, у общества не будет.

Третий вопрос – это который нужно поставить, и который нам нужно тоже как бы решить внутри самих себя, в основном в теоретическом плане – это государство и демократия, глобализация и демократия. С одной стороны – все получают доступ к информации, как будто бы, да все друг друга знают, а это и есть признак демократизации. С другой стороны – мы совершенно видим очевидно, что в международной системе, если взять международную систему, вообще происходит дедемократизация, и возможно, смерть демократии, немножко здесь было написано. Это вопрос, который практически нигде не дебатруется. С чем это связано? Это связано, по крайней мере, с двумя обстоятельствами, главным из которых является то, что государство внешне относительно слабеет, а государство является единственным органом, который через демократические методы хотя бы ответственно перед своим населением. И соответственно население лишается возможности воздействовать на государство. Как это можно компенсировать? Можно это

каким-то образом компенсировать или нет? Этот вопрос, кстати говоря, очень ловко обходится, он очень мало существует в международной крупнополитической дискуссии, а вопрос этот для нас немаловажный. Во всяком случае, он может существенным образом влиять на дискуссию вокруг этой проблемы, которая будет.

Наконец – последнее, последние два соображения. Первое – процессы глобализации идут во всем мире, и так сказать, один из этих процессов – это экономическая интеграция, и все обратное происходит на процессах СНГ, кроме информационного, больше информационной прозрачности. Как эти две тенденции сопоставлять? Ведь что происходит на процессах, на просторах СНГ? Уменьшается взаимодействие людей, товаров, по большей части – капиталов, немножко больше мы стали знать. Если вы заметили, сейчас стало чуть-чуть больше публиковаться информации о том, что происходит в СНГ, главным образом потому, что через Интернет и через международные системы можно что-то получать, какую-то информацию. Это, вот, как – это абберация, как мы с этой абберацией будем иметь дело? Так сказать, как должно приспособляться общество, приспособливаться общество и государство к объективной тенденции, потому что объективная тенденция без интеграции происходит.

И последнее. Вопрос, как бы который стоит философски в основе двух докладов, да, что мы должны говорить нашему государству и, значит, нашему политикообразующему классу? Глобализация и государство как инструмент приспособления и встраивание в глобализацию или государство как защита от глобализации – это философский вопрос. Пока ответ большинства правящего класса и населения, которое не понимает, это – государство как защита. И когда к этому еще прибавится некоторое количество людей, которые поймут, как глобализация угрожает их интересам, то есть когда у нас появится свое собственное движение, подобное тем, которое описано уже, так сказать, в наших текстах, то мы получим интересный, если одновременно государство будет как бы изначально уже сейчас политически настроено против, на защиту, а не на встраивание, то мы получим чудесную совершенно комбинацию, которая называется, так сказать, «новая русская изоляция», и которая, конечно, приведет, с моей точки зрения, к тому, что уже просто исторически мы уйдем в небытие. Спасибо.

В.Рубанов. Спасибо, Сергей Александрович. Я хотел бы, вот, уже появляются выступающие желающие, два слова тоже, может быть, для того, чтобы дискуссию определенным образом организовать.

Хотел обратить внимание на то, что, вот, изменение роли государства – оно связано с объективными процессами, которые происходят в мире: изменение экономической основы существования современных обществ, изменение социальной структуры общества, изменение ценностей и появление новых типов культуры и так далее. Имеется в виду, что вещи это как бы банальные, вот, но тем не менее когда в структуре экономики происходит реструктуризация продукта, когда получают емкости продукта, когда знания становятся непосредственным продуктом, который обменивается на рынке, это приводит к тому, что форма собственности прежняя начинает размываться, или, как пишет господин Иноземцев, претерпевают деструкцию классические институты, с которыми государство привыкло иметь дело. Не понятно, что происходит с рыночной стоимостью высокотехнологичных компаний, когда по сути дела бухгалтерский учет и их рыночная капитализация – они друг другу не соответствуют, что позволяет говорить о том, что прежние механизмы не работают в плане описания новых экономических реальностей. В конечно итоге, что такое интеллектуальная собственность, по большому счету, это то, что лежит в человеке. Компания реагирует на то, что связь идет через контракты с людьми, которые, так сказать, определяют лицо компании, и это влияет на капитализацию компании. То есть появляется масса факторов, где государство объективно не может влиять на эти процессы, и они проходят мимо тех рычагов, которыми государство раньше пользовалось. Конечно, здесь уже об этом говорилось, но многие транснациональные корпорации – они по своим финансовым возможностям превосходят бюджеты государств. Это тоже реальность, с которой приходится считаться.

И существенно важным является то, что в самом гражданском обществе появляются новые ценности. И эти ценности формируются не за счет государственной идеологии, они в значительной мере формируются в недрах новых корпораций, формируется так называемая «корпоративная культура», которая значительным образом трансформируется в ценности общества и, как правило, поведение общества. И вот эти процессы – они идут объективно вне зависимости и вне воли государств. И я на этом заканчиваю, я просто хотел бы, чтобы пошло дальнейшее обсуждение.

И пользуясь правом ведущего, несколько слов предоставить, вот, уже был представлен, вот, Вячеславу Иноземцеву, который прекрасно владеет материалом, для того, чтобы немножечко нам все-таки оценить те процессы, которые происходят в мире объективно, вне нас, для того, чтобы лучше понять роль и место государства в этих процессах. Поэтому я предоставлю слово Вячеславу Иноземцеву, который достаточно хорошо знает мировой опыт и знает людей, которые занимаются этой проблемой, для того, чтобы он немножко все-таки описал объективность в стране, вокруг чего, так сказать, от чего зависит развитие современного государства. Спасибо.

В.Иноземцев. Спасибо большое. Я как бы не готовился к сегодняшнему выступлению. Значит, меня зовут Владислав Иноземцев, я – доктор экономических наук, директор Центра исследований постиндустриального общества, председатель правления Московского технологического банка.

Я, к сожалению, вряд ли смогу рассказать так много, как хотел господин Рубанов. Я хотел бы просто остановиться на ряде тезисов, выдвинутых в докладе господина Салмина. И в целом, доклад мне очень понравился, я бы предложил несколько формулировок, которые, может быть, дополнят доклад и вызовут какие-то дополнительные мысли в дискуссии.

Мне очень понравилось рассуждение относительно того, что современная глобализация, то, что мы видим, очень близка по своим (не слышно на пленке) Вот, мне очень понравилась идея о том, что современная глобализация близка по своим параметрам к процессам, происходившим в начале века. Я набросал здесь несколько таких тезисов на эту тему о том, что сегодня можно было бы рассматривать глобализационные процессы как некий второй этап той попытки, которая имела место в начале века. И в данной ситуации действительно аналогия очень интересная, но в то же время не совсем можно делать выводы, которые были сделаны в основном докладе. Безусловно, в конце 19-го века – в начале 20-го мировая глобализация была очень сильна. Если мы посмотрим чисто на статистику, то мы увидим, что в конце 19-го века объем экспортно-импортных операций в отношении национального продукта, валового национального продукта в Англии был приблизительно в 4 раза больше, чем соотношение такого же показателя сегодня в США, то есть экономики многих стран чисто в торговых операциях были даже гораздо более , чем сегодня. С тех пор, как бы с конца 19 – начала 20-го века, мир, по крайней мере развитых стран Европы, Америки, никогда не видел такой волны эмиграции, которая была в те времена. По сравнению с ней все сегодняшние эмиграционные потоки гораздо менее значимы. Поэтому отношения, безусловно, и в информационном аспекте начала века было очень показательным в том плане, что интернационализация хозяйственной жизни, экономической жизни, социальной была очень активна. И в этом плане, безусловно, есть прямая аналогия с сегодняшним днем. С другой стороны, в докладе было прекрасно показано, чем закончился этот всплеск глобализации в начале века: он закончился противоречиями и большой войной.

Возможна ли некая аналогия и на сегодняшний день, как бы перенесение этого момента на сегодняшний день? Я думаю, что вряд ли. Дело в том, что в начале 20-го века некая глобализационная парадигма, только возникавшая, действительно была крайне, скажем так, условно говоря, непонятна национальным государствам и вызывала очень резкую реакцию у национальных государств. В значительной мере реакцией на, вот, эти глобализационные процессы и стало образование локальных союзов, которые вступили в конфликты, что привело к двум мировым войнам. На сегодняшний день глобализация

несколько более продвинулась вперед, и большинство развитых стран вполне как бы, ну, собственно говоря, спокойно, талерантно относятся к этим процессам, наоборот – очень активно способствуют им. Сам факт образования Европейского Союза, образование альянса в виде НАТО, других организаций развитых стран показывает, что такой конфликт, который возник в 14-м году, сегодня вряд ли случится.

Но с другой стороны я хочу сказать, что сегодняшний этап глобализации – это не есть как бы подлинная глобализация по сравнению с той первоначальной, которая была в начале века. Я бы сказал, что это две волны глобализации, за которыми последует третья. Она может последовать столь же нескоро, как и вторая после первой. Что я имею в виду? Дело в том, что современная глобализация, это тоже редко подчеркивается, она не совсем глобальна. Дело в том, что реальные процессы глобализации наиболее четко видны в тех странах, которые уже достигли более-менее одного и того же уровня развития. Существует прекрасная статистика, которая показывает, насколько замкнуты инвестиционные и торговые потоки внутри разных стран. Это очень интересная статистика. Более того, если мы посмотрим на статистику торговли европейских стран и США, я исключаю торговлю европейских государств внутри ЕС, то есть внешняя торговля ЕС с остальным миром и торговля США с остальным миром, то мы увидим, что на сегодняшний день торговые потоки более замкнуты, чем они были в 60-е годы. Это очень симптоматично.

Таким образом, мне кажется, что на сегодняшний день в 70-80-е годы, когда существовала идея глобального мира, вот, похожая на эпитафию в данной статье, но на сегодняшний момент эта идея несколько исчерпала себя. И сегодняшний второй этап глобализации – он стал этапом глобализации внутри развитых стран. Противоречия, которые привели к Первой Мировой войне, подавлены, развитые страны более-менее консолидированы. Но при этом этого глобализационного потенциала не хватило для того, чтобы перенести его на остальной мир. Эта ситуация, на мой взгляд, будет довольно стабильной в течение ближайших десятилетий. Как пойдет развитие, мы сейчас не можем до конца знать, но так или иначе либо этот развитый мир замкнется еще больше, либо по истечении определенного времени, в течение которого внутри развитого мира решатся их собственные проблемы, произойдет новый всплеск глобализации, уже, может быть, окончательный.

И последнее замечание, которое я хотел сделать, это относительно противоречий, которые могут взорвать эту ситуацию. Дело в том, что, ну, может быть, я буду как бы оспорен, подвергнут критике, но я радостью как пополюемизирую, но мне кажется, на сегодняшний день в третьем мире не существует реальных сил, способных угрожать стабильности первого мира, за исключением некоторых, вот, таких экстремистко-теоретических положений, которые могут провести некоторую мимолетную дестабилизацию, но не расшатать систему в целом.

Безусловно, самая главная проблема развитых стран находится внутри них самих. И эта проблема опять-таки, на мой взгляд, не в этнических группах и отдельных, так сказать, общностях, вторгающихся в эти государства, не в проблеме фундаментализма религиозного или, так сказать, какого-либо иного, не в общественных движениях, эта проблема все-таки более экономическая. Может я ее вижу так потому, что я экономист. И эта проблема связана с тем, что все-таки, ну, итог глобализации – он совпал с информационным обществом в той же мере, в какой первый совпал с торжеством индустриального общества. И в информационном обществе еще больше, чем в индустриальном, происходит распадение этого общества на два класса, скажем так, на класс интеллектуалов, носителей знаний и на класс тех, кто не входит в эту информационную экономику. Это разделение очень жестоко, потому что в принципе информационный класс, интеллектуальный класс сегодня имеет возможность создавать готовую продукцию фактически без применения труда других людей. То есть если раньше, условно говоря, капиталист нанимал рабочих, возникал прибавочный продукт, возникала эксплуатация, и одна часть общества обогащалась, другая как бы беднела, в этой ситуации рабочий класс мог бороться против засилья капиталистов, понимая, что как бы он имеет право на тот продукт, что он создает, и который у него

изымается. капиталистов, понимая, что как бы он имеет право на тот продукт, что он создает, и который у него изымается. На сегодняшний день подавленный класс, отчужденный класс постиндустриального информационного общества не имеет даже моральных прав претендовать на тот продукт, создатель которого интеллектуальный класс. Возникает очень серьезный, очень серьезная новая ситуация в проблеме и классового деления, и классовой борьбы, и распределения национального продукта. И если мы посмотрим опять-таки на статистику, то мы увидим, что в течение всего 20-го века, начиная с середины 20-х годов и до середины 70-х, то есть 50 лет, все имущественное неравенство в развитых странах устойчиво снижалось. И начиная с середины 70-х годов, оно столь же устойчиво растет. И это очень, на мой взгляд, явным образом связано со становлением информационного общества, потому что это общество дает разные возможности: люди совершенно как бы получая интеллектуальный капитал в свое распоряжение, возможность реализовать, капитализировать свой интеллектуальный ресурс, очень жесткое освоение. И в этом отношении внутри развитых обществ могут возникнуть очень сильные классовые противоречия, которые могут привести к их, скажем так, очень серьезной деструкции и дестабилизации. И вот в этом отношении, заканчивая, я хочу сказать, что в докладе прозвучал тезис, что если завтра что-то наше общество потряхнет, то уж точно остальные его доедят. Вот мне кажется, что это не совсем правильно, потому что если там потряхнет, то и доедать будет нечего, и доедать будет некому, потому что как бы третий мир сейчас гораздо более сильно зависит от Запада, чем, допустим, германцы от Римской империи, которую они «доели». То есть здесь дестабилизация в западном мире приведет к еще большему кризису в третьем мире, и, так сказать, конфликт станет глобальным. Наоборот, если внутри третьего мира возникают локальные конфликты, как мы видим сейчас, западный мир может стать стабилизирующим фактором. Но если внутри западного мира возник конфликт, стабилизирующим фактором уже не станет никто.

То есть, вот, проблема заключается в том, как бы, повторяю два тезиса, что глобализация совершенно нормальным образом естественно сегодня проходит второй этап. Он заканчивается, скажем так, глобализацией в локальных границах, то есть в границах ЕС и США, такого первого мира. По мере того, как противоречия, которые я обозначу позже, в рамках этого первого мира получают какое-то адекватное разрешение, можно будет ждать новую волну глобализации, как бы, вот, изливание этого потенциала в третий мир. Если внутри первого мира противоречия не разрешатся, то как бы и третьей волны глобализации может не быть.

В.Рубанов. Спасибо. Я хотел бы предоставить слово господину Оганесяну, он просто попросил, через 10 минут улетает, и вместо выступления хотел задать вопрос.

А.Оганесян. ...что есть некий органический бульон, некоторая линейная ситуация, некоторый чан бродильный, если хотите, который сам по себе органически вырабатывает эту самую глобализацию. Мы не говорим о его, так сказать, создателях, о субъектах. Это существенно, потому что в таком случае мы опять приходим к некоему линейному, а не мозаичному пониманию мира, а мне кажется, во-первых, это скучно, а во-вторых, может быть и хорошо, что есть какие-то другие подходы, которые не сводят все к тому, что вот мир глобализующийся, он как бы императив и данность. В общем, наша трагическая история человечества говорила, что никакой линейной тенденции едино выдержанной нет, которая бы трагически не кончалась. Если мы могли бы, докладчики, прояснить вот, твердо они придерживаются того, что мир именно глобализующийся, а не действуют некоторые заинтересованные в этом процессе субъекты, не будем говорить, как и есть – великие глобализаторы, да, там, не будем, но все-таки, столь ли однозначно линейно мы здесь можем подходить к этому вопросу? Спасибо.

В.Рубанов. Спасибо. И это вопрос к докладчикам, да? Я тогда предоставляю слово, пожалуйста, Вячеслав Алексеевич.

В.Никонов. Ответ на этот вопрос – «да», это совершенно объективная вещь, которая идет, действительно глобализация – это процесс, от которого уже действительно не

спрячешься. Человечество развивается через некоторые этапы, да, мы можем говорить, насколько эти этапы объективны, субъективны – это не столь важно, но скажем, если, ну, взять «тофлеровскую» да, там, парадигму, то мы сейчас наблюдаем вот переход к этой третьей волне. Да, то есть, вот первая волна – это переход к аграрной цивилизации, вторая – это переход к промышленной цивилизации, и сейчас – переход к какой-то новой цивилизации. Признаки того, что это происходит, они все существуют: да, процессы теперь глобализируются, действительно, деньги как бы летают из одного конца в другой конец земного шара с огромной скоростью, да, происходит экономизация политики, о которой много говорил Алексей Михайлович. Да, это во многом происходит помимо государств и помимо высшего государственного руководства, я, во всяком случае, начинаю свой доклад с того, что, пишу, что в развитии глобализаций государствам принадлежит скорее пассивная роль. Это, на мой взгляд, двигателями глобализаций становились именно независимые хозяйствующие субъекты, прежде всего транснациональные корпорации. И не случайно сейчас в Соединенных Штатах очень популярна поговорка, что два самых влиятельных человека в мире – это Элл и Билл, но не Билл Клинтон и Элл Гор, а Билл Гейтс и Элл Гринспен, да, то есть те люди, от которых экономика зависит гораздо больше, чем от президента Соединенных Штатов или вице-президента Соединенных Штатов. Сейчас мы не обсуждаем вообще, вот, вопросов, что такое глобализация. Мы можем обсуждать очень долго, потому что есть очень много дефиниций, причин и так далее, и так далее.

Я в самом начале сказал, что сегодня мы обсуждаем пункт номер 8, да, большого доклада по глобализации, который готовит Совет по внешней и оборонной политике. Откровенно говоря, я ожидаю основной дискуссии именно по пункту номер 1: что такое глобализация, почему она произошла, насколько она объективна, и так далее, и так далее. Сегодня обсуждать этот вопрос я считаю несколько преждевременным, давайте дождемся, когда те авторы, которым поручен пункт 1, напишут на эту тему соответствующий раздел доклада.

В.Рубанов. Спасибо.Алексей Михайлович.

А.Салмин. Я кратко дополню, может быть, тоже. Ну, в общем, пафос моего даже не доклада, а этих нескольких тезисов, специально полемически заостренных против, наверное, вот того преобладающего сейчас в мировой литературе настроения, вот против чего они полемически заострены в том, что, ну, как раз в общем это против ... антилинейный подход, потому что, ну, во-первых, во-первых, все может сломаться. Все, что может портиться, портится. Все, что не может портиться, тоже портится. В 14-м году все сломалось, кстати, я думаю, не потому, что разные группы государств по разному реагировали на глобализацию. Они, может быть, и не реагировали на глобализацию, но выясняли проблемы на самом деле колоний в Африке, Боснии и Герцеговине, и так далее, и так далее. Все совершенно по другим линиям сломалось, а потом и пошло-поехало, то есть сломалось по другим причинам, а раскол пошел как по этим линиям традиционным, так и по новым – тогдашним глобальным, как всегда бывает при огромной катастрофе. И действительно очень интересно нащупать, вот, эти точки нестабильности и противоречий в возникающей системе. Ну и потом, что главное для меня, например, политические процессы, которые мы описываем как глобалистские - там, демократизация всеобщая, там, пятое-десятое, экономические процессы, демографические процессы, информационные процессы – такие вещи, сплетенные, переплетенные друг с другом, но отнюдь не являющиеся единым синтезом. Это все происходит с разной скоростью, в разных измерениях, но очень по разным законам. И я думаю, что в данном случае мы не можем сказать, что достигнута какая-то точка невозвращения. Ну, простите, когда появилось радио, то в начале века, то казалось – все, границы исчезли, и свобода информации, но потом однако нашли способ, причем каждый решил на свой лад: я об этом как раз в этих тезисах пишу, ну, у нас во время войны просто отбирали приемники, а в мирное время глушили передачи. И немцы проще поступили и дешевле: такие желтые кружочки налепили за прослушивание вражеских станций и расстрел, и все. Так что я думаю, с любой информационной свободой, и на всякую информационную свободу найдется что-нибудь такое ... И если экономические процессы еще

могут продолжать развиваться интернационализацией, скажем, то в политической сфере мы можем увидеть мощное возвратное движение, и так далее, и так далее.

В.Рубанов. Спасибо. И Владислав Леонидович, Вам тоже на 2 слова – объективность процесса и его линейность и нелинейность.

В.Иноземцев. Я буквально одно слово. Просто когда Вячеслав Алексеевич говорил по поводу первого вопроса, я хотел сказать очень маленькое замечание.

Дело в том, что мне начинает, иногда кажется, что когда говорят о глобализации и интернационализации, путают эти два процесса. Я по этому поводу хотел бы заметить один момент. Дело в том, что когда мы говорим о глобализации, там где это было бы правильно, мы говорим о некоем взаимном проникновении стран, о взаимодействии их, и тем самым фактически, ну, о возникновении некоего единого гомогенного мира, ну, я говорю достаточно условно, то есть о мировом взаимном проникновении и взаимном, как бы сказать, проникновении, взаимном таком сближении стран. И вот мне кажется, что в принципе, если считать идеалом и, так сказать, вершиной, пределом глобализации создание некой такой мировой единой системы, то в данном случае мы должны констатировать, что некое единство, некая целостность – она не имеет центра. И вот говорить о том, идет ли процесс глобализации, можно только тогда, когда мы видим стирание центра, когда мы видим наоборот – противостояние центра и периферии – глобализация нонсенс, строго говоря. Ее нет в этой ситуации. Поэтому мне кажется, что правильно было бы говорить о глобализации, вот, именно в тех, как я говорил, регионах первого мира, которые действительно сближаются по своим характеристикам. А что касается прочих стран и, допустим, первого мира, можно все-таки и было правильно говорить в прежних терминах «интернационализация». Мы ... от того, как носится по миру капитал и инвестиции, более глобальным мир не становится. Это некая, ну, скажем так, магия термина «глобализация», ее надо уменьшить, и тогда многое станет на свои места. Спасибо.

В.Рубанов. Спасибо.

У меня 4 человека уже записались на выступления, но я хотел бы прежде сделать объявление: предлагается закончить наше мероприятие в 20 часов. Перерыва скорее всего не будет, поэтому желающие могут пройти к столу и в свободном режиме, так сказать, восполнить свои потребности, и немножко сделать обстановку менее официальной. Вот, это первое.

И второе – я хотел предоставить слово Николаю Васильевичу Михайлову, который записался.

Н.Михайлов. Спасибо.

Совсем кратко. Есть ли заинтересованные субъекты в развитии в том или ином направлении процесса глобализации? Абсолютно, мне кажется, очевидно, что заинтересованные субъекты совершенно естественным образом есть, это прежде всего естественное желание каждой корпорации или каждого государства закрепить или приумножить свой успех. Это очевидно.

Теперь – главный вопрос, который уже поднимался практически докладчиками: все-таки самоизоляция или адаптация? Мне кажется, это главный момент, который должен быть как бы стержневым в том докладе, который будет нами подготовлен. Но ответить на этот вопрос – самоизоляция или адаптация – возможно только в одном единственном случае, если понять, какие же факторы являются основными, что же является катализатором для развития процессов глобализации. Думаю, что вряд ли вызовет возражения утверждение, что основным таким катализатором является все-таки современный уровень знаний и инновационный потенциал. Что такое инновационный потенциал, и как бы в увязке с процессами глобализации? Вроде бы мир открыт, каждый имеет доступ к научно-техническим достижениям любого уровня, и тем не менее везде по разному идет процесс глобализации.

Совершенно очевидно, что мало знать, мало иметь представление о самых современных научно-технических достижениях, нужно иметь возможность капитализировать эти знания. И вот здесь, мне кажется, и основа основ в тех различиях, которые как бы на выходе имеет процесс глобализации, - способность страны, способность компаний и корпораций или сумма их капитализировать те знания, которые сегодня определяют так называемую «новую экономику».

Что такое «новая экономика», без претензий на определение? Совершенно очевидно, это все, что связано с ускорением развития обращения капитала, товаров, информации. Это – прежде всего информатизация, это – биоинженерия, и так далее, и так далее, и так далее. Таким образом это опять же в свою очередь способность страны иметь очень серьезные ресурсы, которые позволяют капитализировать эти знания в этих весьма капиталоемких новых областях знаний.

Отсюда можно сделать такой вывод. Поскольку возможности и темпы и глубина глобализации напрямую связаны со способностью страны капитализировать научные знания и технологии высокие, и поскольку эти различия во всех странах очень существенны, то и различия по итогам развития процесса глобализации будут, к сожалению, нарастать. И на мой взгляд, они будут нарастать для многих случаев катастрофическим образом. И поэтому когда мы будем выработать рекомендации для России в этой связи, то мне думается, самым принципиальным моментом и самым полезным в нашем докладе могли быть наши представления, наши суждения, наши рекомендации относительно путей, возможностей увеличить не просто инновационный потенциал, но и создать условия для реальной капитализации этого потенциала. Вот это, мне кажется, очень важный и принципиальный вопрос, так чтобы мы не просто философствовали. Если мы не найдем решения как бы данного вопроса позитивного и конструктивного, то мы невольно как бы увязнем в вопросах, ну, приятных размышлений, но не более.

Итак, главный, вот, вывод, который, мне кажется, мы должны подчеркнуть, что если мы таких решений не найдем, то неизбежность, совершенно абсолютная неизбежность будет не в пользу России нарастания различий между тем уровнем, который как бы мировое сообщество будет или часть мирового сообщества будет иметь в перспективе, и теми позициями, которые останутся как бы за Россией.

И последнее замечание, которое, как мне кажется, тоже очень важное для нашего доклада. Хорошо, ну а есть ли какие-то серьезные ограничения в развитии процесса глобализации, по большому счету? Серьезные ограничения? Мне кажется, очень здесь важно основание нам в докладе показать, что эти ограничения есть, их еще не в полной мере как бы осознает просвещенный мир, но ограничения исключительно серьезные, и прежде всего они лежат в области неизбежных техногенных последствий, в том числе катастрофических техногенных последствий. И маленький только микропример: последствия на примере воплощенного как бы, воплощенной реализации процесса глобализации на примере косовского конфликта, погрузил Европу как минимум на 100 лет практически в не решаемую экологическую проблему. И мало, к сожалению, кто об этом знает. Это только один маленький пример. И это прямая увязка, прямое следствие той самой активной глобализации, плоды которой мы уже начинаем пожирать, основаны на различиях технологических уровней, в том числе и в области, скажем, обороны или каких-то военных операций. Спасибо.

В.Рубанов. Спасибо.

(Из зала). Владимир Арсентьевич, вопрос можно к Николаю Васильевичу?

Рубанов. Да, пожалуйста.

Ю.Рыжов. Вот, можно как-то провести, ну, параллель или аналогию, что весьма спорно, о капитализации интеллектуальных ресурсов и задать такой вопрос: произошла ли капитализация таких ресурсов, скажем, в прошлом веке, когда Позунов сделал паровую машину и Уайт, так кто капитализировал? То же самое по поводу Маркони, потом можно

ехать дальше, потом можно в наше время перейти: кибернетика, генетика и даже телевидение. Может я ошибаюсь, почему Россия не капитализировала эту свою интеллектуальную собственность, а кто-то это делал?

Н.Михайлов. Юрий Александрович, уважаемый, ну, во-первых, капитализация всегда сопровождала эти процессы, и темпы капитализации определяли темпы развития страны и темпы развития, а природа этих процессов имеет, к сожалению, жесткую причинно-следственную связь, и они идут совершенно, как говорят, синхронно. Тут как бы природа вещей, тут не обманешь, также как нельзя изменить законы физики. И другое дело, что сейчас, вот, существенно возросли такие последствия этого закона, которые как бы напрямую, прямым образом связаны с ситуацией, когда следующий шаг требует существенно несоизмеримо больших ресурсов, чем когда бы то ни было на предшествующих уровнях технологий. Поэтому сегодня различия в тех или иных странах, тех или иных компаний реагировать на необходимость и возможность осуществления следующего шага в еще более жесткой форме увязана со способностью, вот именно, этой самой капитализации. И та страна или та корпорация, которая не имеет возможности вложений серьезных, заведомо оказывается в ситуации, когда разрыв между лидерами и, значит, последующими будет только нарастать, и конфликты будут только усугубляться, и различия будут только, значит, иметь соответствующую как бы

.... просто у нас в традициях этого нет – капитализации наших знаний ...

... это беда наша, к сожалению, Вы правы.

В.Рубанов. Спасибо.Для реплики попросил Сергей Александрович слова.

С.Караганов. Как один из организаторов проекта я хочу вмешаться в нашу дискуссию. Она сейчас естественно, потому что она первая, по необходимости носит гораздо более широкий характер, чем написана она в теме, да. Это совершенно понятно, это трудно остановить. Наверное, останавливать нельзя, потому что все равно у нас будет стенограмма, каждый сможет ею воспользоваться. Мы как бы нарабатываем на будущее несколько тем. Но хотел бы все-таки обратить ваше внимание на то, что у нас есть одна тема, и это первое. Второе – нужно не только как бы говорить, что нужно давать ценные как бы рекомендации и выработать какое-то согласие по конкретным вопросам политики, но и говорить, что нужно делать, потому что на самом деле тут, вот это очень существенный вопрос, у нас нет в стратегии приспособления к внешнему миру. И даже в самых развитых программах экономического развития России этого нету, ну, там даже в суперлиберальной грефовской программе. Ну, условно говоря, там самое простое, что можно было высказать, это поддержать двумя руками программу реформы высшего образования, которую двое наших коллег, так сказать, господа Кокошин и Кузьминов, присутствующие здесь, как бы проталкивают, поскольку совершенно ясно, что в результате этого процесса на человеческий капитал и, в первую очередь, мозги становится как бы, ну, действительно уже непосредственно производящей силой, просто деньги производящей, да. Ну, это не просто опосредованно, а просто ВВП-производящей, это совершенно уже очевидно, хотя, может быть, в частном периоде на западе и перекачана стоимость вот этой части ВВП, которая производится непосредственно в интеллектуальном секторе.

Но тем не менее я призываю: а) по возможности сужать и б) по возможности конкретизировать себя на предложения. Спасибо вам большое.

В.Рубанов. Спасибо. Если позволите, я тоже реплику, потому что вопрос, который поднял Николай Васильевич, он является достаточно важным и актуальным. Дело в том, что, конечно, проблема капитализации и потенциала страны стоит, но вопрос – какова роль государства, какова роль корпорации и какова роль авторов? Дело в том, что страна-то в целом у нас готова к капитализации, ну, вот, пример приведу: то, что сейчас заседание президиума Лиги, вот, очередной готовится, так сказать, опус. Примерно так: вот, документация, которая будет поставляться, 10 % с нее собираются, как бы там, брать налогов у экспортеров, но, во-первых, по эксплуатирующейся документации, она права, то

есть мы еще ничего не капитализировали, а уже государство собирается деньги отбирать. Поэтому в этих проблемах нужно очень четко разделять, где автор как производитель, вот, этого самого нового капитала, где корпорации, которые эту культуру. Вот, корпорация такого сотрудника – она борется, а государство – ему все равно: куда он, где он будет работать. И третье, вот, все-таки каким образом, вот, сообществу, которое здесь находится, вот, эти идеи, эти новые реальности довести до государства для того, чтобы были приняты политические решения. И я слово предоставляю господину Рыжкову Владимиру Александровичу.

В.Рыжков. Спасибо. Я внимательно ознакомился с текстом Славы Никонова и послушал сегодня доклад Салмина. Мне кажется, что это очень качественные тексты, которые действительно очень ясно, реструктурированно показывают основные направления и проблемы глобализации, в том числе применительно к современному государству. Но у меня, вот, одно чувство сожаления осталось от прочтения одного текста и заслушивания другого.

Дело в том, что авторы, видимо, нес ставили перед собой цели, цели направленно ответить на вопрос, как это относится к современной России. И получается, что мы сегодня смотрим номер 8, как сказал первый докладчик, а номер 1 – это глобализация России, то есть первый пункт, вот, идет глобализация, а что это с Россией? Господин Иноземцев сформулировал очень важный тезис: глобализация – это дело стран первых, первого мира, развитых стран. Россия к ним сегодня не принадлежит. В какой степени глобализация сегодня затрагивает российскую действительность, в том числе российские государства? Вот это главный вопрос, как мне кажется.

Вот, что на вскидку видно? Вот мы должны 160 миллиардов долларов в основном странам первого мира. А нам должны какое-то количество миллиардов долларов страны – какого мира: третьего, четвертого? Вот, значит, это первое соприкосновение, а второе? Мы, вот, все время смотрим, что нам с НАТО делать, допустим? Вот, мы то дружим с ним, то ссоримся с ним. Или, скажем, вот, Европейский Союз – страны Восточной Европы просто взяли и решили для себя однозначно, вот, есть 360 страниц требований Европейского Союза к кандидату, вот мы им будем соответствовать. И вот Польша уже лет 10, ну, 15 – вряд ли, 10 как минимум, она, вот, перестраивает: трубы другие кладет, колодцы копает, телекоммуникации строит, банковскую систему, меняет законодательство, потому что ее элита, ее народ решили для себя – мы будем соответствовать этим 360-ти страницам чего бы нам это ни стоило.

Россия сегодня такого ответа не дает. Она сама толком не знает: то ли она хочет в перспективе когда-нибудь лет через 30 соответствовать этим 360-ти страницам, то ли она никогда им не будет соответствовать. И в этом смысле, вот, выбор для России, для российского государства чем-то напоминает выбор японского общества, когда они открыли в 19-м веке, была так называемая «революция мэдзи» или «мэджи», по разному ее переводят. Тогда, вот, элита сделала выбор совершенно однозначно в Японии – дестранизация. Вот, и они этим путем уже идут, а мы примерно в это же время начали делать великие реформы Александра II. Вот, а потом отказались от них, потом еще произошли всякие интересные события. А я еще могу вспомнить Екатерину Великую, которая взяла книжки Монтескье и написала свой знаменитый «Наказ». Это была одна из первых таких книжек – либеральный проект. А в то же самое время, примерно в те же годы, в Америке писали такие же авторы примерно, но вот что получилось в России из этого проекта и что получилось там?

Поэтому, как мне кажется, первый вопрос, на который требуется ответить – в какой степени глобализация затрагивает современную Россию, в том числе политическую систему? Мне кажется, что в незначительной степени. И если можно говорить о влиянии глобализации на Россию, то это или диффузия, или частичное проникновение. Вот, и вряд ли мы сейчас являемся активным субъектом этого процесса. Вот, и в этом смысле, вот, Сергей Караганов сегодня поставил вопрос, какой выбор сделать России – борьба с глобализацией, самоизоляция или активное встраивание в этот процесс. Мне кажется, что

это ложная сама постановка вопроса – самоизолироваться не удастся, диффузия все равно будет происходить, все равно компьютеры будут покупать, все равно долги будем отдавать, все равно транснациональные корпорации будут проникать в нашу экономику.

Я, вот, приведу два примера. Я сегодня прилетел из своего округа, с удивлением обнаружил, что у меня на окраине города 500 человек производят щит мебельный для корпорации «Икеа» шведской. Я вас уверяю, власти об этом понятия не имеют, а у них 70 % уже продукции, и работают в 3 смены, один день в году отдыхают – 1-го января, и производят для шведской компании «Икеа», а государство понятия об этом не имеет. А еще в 2-х километрах завод, который 40 % платит налоги и зарплату ... я говорю то, что ... нет, это замечательно, но я лишь говорю о том, что это – глобальная экономика, которая там существует. И возникло это без всякой связи с государством, а в 2-х километрах находится еще один завод, который производит форсунки для дизелей, и 40 % этих форсунок поставляется на американский рынок, причем почему-то под маркой «Бош» – «Бош» рисует, так сказать, на этих форсунках свою марку и продает как свою, просто разница – 6 долларов и 15, и так далее. Все равно эта диффузия будет происходить, и самоизолироваться, на мой взгляд, бессмысленно. И гораздо конструктивнее было бы для российского государства и политического класса и общества сказать, что мы не можем противостоять этому процессу, что этот процесс будет происходить, и попытаться найти такую траекторию нашего развития, которая помогла бы нам извлечь максимальные выгоды из этого процесса. Может быть, по той модели, которую выбрала Восточная Европа, она сделала выбор, она предпринимает какие-то усилия, она добивается каких-то результатов. А мы все еще стоим на распутье и не можем определиться. Спасибо.

В.Рубанов. Спасибо большое. Я хотел бы, вот, тот тон, который задал Владимир Александрович, продолжить, и прежде, чем предоставить слово Масарскому Марку Вениаминовичу, все-таки действительно разделить политический класс, государство и общество. Я просто еще один пример приведу, что в целом, вот, информационные технологии и интеллектуальные разработки являются, ну, что ли основой развития современного мира. Ни для кого не секрет, сколько мозгов российских за рубежом сейчас работает, поэтому общество российское в целом в большей мере готово к процессу глобализации, чем ее политический класс и государство. Вопрос заключается, так сказать, не в том, чтобы общество, так сказать, чему-то учить, а в том, чтобы государство соответствовало тому потенциалу, который уже у российского общества накоплен.

Поэтому, вот, я все-таки хотел бы, чтобы в большей мере выступающие затрагивали тему, что делать государству в этой ситуации для того, чтобы соответствовать объективным процессам, и чтобы соответствовать потенциалу общества, которое оно представляет. Спасибо. И слово Марку Вениаминовичу.

М.Масарский. Я хочу тезисно обозначить свою позицию по трем проблемам: Россия и единая Европа, то есть стандарты единой Европы, конституция единой Европы; общий ли у нас с Европой цивилизационный код; и, наконец, Россия – основные инновационные институты. Таковых два – наука и рынок. Поскольку эта тема необъятная, отсюда и тезисность изложения, сэкономим на аргументах.

Вот перед нами лежат тезисы Андрея Нещадина, которые пока никто даже не упоминал. А между тем это очень задиристые тезисы, они берут под сомнение нашу способность, российскую способность безболезненно интегрироваться в единую Европу, в мировую цивилизацию. Ну, вообще говоря, слово «мировая цивилизация» я когда употребляю, то имею в виду европейскую цивилизацию или евро-атлантическую, да. Вообще когда говорят о том, что русское и затем российское государство создано на иных основаниях, чем европейские, то есть говорят, что европейское государство основано на началах корпоративных, а российское, русское государство основано на началах семейно-дружинных, русское государство было вотчинное, патримониальное, то забывают, что нечто подобное мы наблюдаем, вот, эту самую вотчинность и семейно-дружинность и в Западной

Европе. Но это верно, что где-то с 13-го века прошла эта историческая развилка, связанная с татаро-монгольским нашествием, нас отбросили на прямо несколько столетий. А между тем аналогом уже в 9-10-м века, аналогом, скажем, нашего первого государства – Киевской Руси, Новгородско-Киевской Руси, была Каролинская империя. Ничего такого принципиально отличного мы там вообще-то не найдем. Общий цивилизационный код, ну, общий – значит типичные наследственные болезни. Эта болезнь носит название, например, «издержки демократии», или демократия, угрожающая свободе. Давайте взглянем еще глубже. Этот, вот, только Гитлер говорил, что это французы произошли от обезьян, а мы, немцы, прямо от древних греков. Ну, добавим, что от древних греков произошла вся европейская цивилизация. И на мощном фундаменте греко-римских основ построен европейский дом, и возникает вопрос – можем ли мы строить и на этом же фундаменте?

Вот, присмотримся к такому главному системообразующему фактору российской истории, как государство. Само слово «государство» происходит от частного-правового термина «государь», а слово «государство» в европейских языках – английское «стэйт», французское «та» – происходит от других публично-правовых понятий. У нас – от слова «государь», то есть собственник рабов-вещей, это слово-покаяние не публично-правовое было, а частного-правовое, человек мог быть одновременно носителем публичной власти, то есть великим князем и государем своей вотчины, то есть собирать, например, дань Иван Калита имел право как носитель «ярлыка» – великий князь, имеющий велико-княжеский ярлык, полученный в Орде, а в качестве государя он не мог собирать дань – это была частного-правовая его функция. Он хозяйствующий субъект был. Но наше государство возникло как раз из хозяйствующего аппарата, из хозяйствующего аппарата княжеского дома. У нас слова «власть» и «владение» – слова однокоренные. А вот, например, в английском языке слово «власть» – «пауэр» и «мощь» – это одно и то же слово. Или, например, «поуар» по-французски имеет значение «сила» во французском языке. Это показывает не только на этимологию слова, но на генезис понятия, на генезис понятия.

Теперь говорят, что, вот, мне очень понравилась одна публичная телевизионная реплика Владимира Рыжкова, когда он полемизировал по поводу, вот, этой властной вертикали, и все время там проклинали наших баронов, герцогов и удельных князей, феодальные вольности произносили непременно в отрицательном контексте. Между прочим, западно-европейские феодальные вольности – это историческая основа современных гражданских свобод. И современные демократические институты возникли из феодальных, и сам дух закона Монтескье написан в защиту феодальных вольностей, он предлагал компромисс между короной и знатью, призывал одних к лояльности, а других – к учету интересов. И парламенты, сами основные носители, основная конструкция европейской государственности – это феодальный институт, и первый этот институт возник в феодализирующейся Испании, потом это в конце 12-го века, а в начале 13-го века возник в Англии, и далее пошло, далее везде, хотя этот лишь парламентаризм сейчас ослабевает.

Так вот, 10 попыток было привить к нашему дичку, вот, эту самую западно-европейскую ментальность, правовую культуру, государственность. И с разными результатами – мы то откатывались в контрреформу, то в революцию в облике смуты. Я называю 10 масштабных попыток – вестернизаций, повторяю, все модернизационные порывы России имели вектор западный. И начиная с реформ конца 15-го века Ивана III, и вторая реформа тоже в форме вестернизации – самая контрпродуктивная – Ивана Грозного, затем петровские и так далее. Наиболее, ну, незавершенная – это и есть наша последняя десятая попытка модернизации. Она происходит на фоне ослабленного государства, вот в чем проблема. Ослабленное государство в состоянии породить не реформы, а революции, ибо государство – это основной институт в нашей истории при реструктурированности нашего общества, который способен обеспечить групповые и индивидуальные свободы. Слабое государство в сущности провоцирует на взрывную политизацию масс на создание, на увеличение, на усиление энтропийных процессов, на хаос и варварство. И примеров множество, я не буду здесь подчеркивать очевидное.

Но все-таки как выглядит Россия сегодня – в начале 21-го века? Каковы наши шансы? Вот у Нецадина в его тезисах шансы выглядят у нас незначительными, говорит, напрасно уповают на безграничные наши национальные богатства, наши ресурсы природные. Они, во-первых, ограничены, они зачастую не воспроизводимы либо не востребованы. Да, действительно, сейчас у нас сырьевая ориентация нашего экспорта, а между тем в нашем современном обществе востребована может быть информация, интеллектуальный ресурс, капитализированный интеллектуальный ресурс, и в этом смысле мы где-то на уровне Японии. Мы по-прежнему сохраняем преимущество весьма образованной, я не скажу самой образованной, страны, но очень образованной страны. У нас избыточное воспроизводство было людей в высшем образовании, вообще интеллигентных профессий у нас чрезвычайно много, повторяю, избыточно – с точки зрения государства. Это традиция для России, и поэтому Россия в международной системе разделения труда выглядит не как изгой, не как собака на пиру, мы обязательно будем востребованы не только как поставщики ресурсов, но поставщики информационные. Вообще когда к нам приезжает Сорес и говорит, делает свой знаменитый доклад об открытом обществе и шансах России построить правовое государство гражданское, открытое общество, он полон пессимизма. У него пессимизма еще больше, чем у Нецадина. Он говорит, что у нас грабительский, бандитский капитализм, у нас первоначальное накопление прошло в такой-то и такой-то форме. Разумеется, я могу из истории Западной Европы привести еще более ужасающие примеры. Мы просто быстрее пройдем этот период, как, например, прошла период наша первая модель государства – Новгородско-Киевская Русь за 50 лет догнала франкскую империю. За 50, то, что Западная Европа шла 500 лет, а Киевская Русь – за 50 лет проделала этот путь. Разумеется, был регресс потом. Татаро-монгольское нашествие создало два варианта российской государственности: государство, которое было условно представлено литовско-новгородско-польским вариантом, католическое, и Московия как наиболее, Византия-Московия – татаро-монгольское, значит, государство. Вообще Московия вышкола была кривой татарской саблей, а вовсе на канторским катеринским императивом. И когда столкнулись в конце 15-го века две модели государственности на Шелони, это в 1471 году, и победила, скажем, дружина, победила или, скажем, дружина, соединенная с Ордой, победила западно-европейскую модель государственности на нашей славяно-русской почве. И это было трагедией для России. Когда мы говорим, что, вот, собирал Иван Калита, и очень хорошо это собирал, и как хорошо, как повезло России, что собирала Московия, но это еще вопрос – повезло или не повезло. Может, лучше было бы для России, если объединила бы Литва вместе с Новгородом, мы бы тогда не были изолированы от Европы.

Теперь по поводу, и я закончу, основные инновационные институты – почему наука и рынок. Дело в том, что, как это ни мною естественно определено, это, значит, у многих, значит, западных современных исследователей, начиная вообще с Юма, о рынке говорит о том, что рынок вообще позволяет, рынок древнее государства, торговля древнее государства, позволяет оказывать услугу людям, не испытывая к ним никаких симпатий, и наиболее эффективно соединять рассеянные ресурсы и неупорядоченную информацию. А это как раз знамя современности, это основной лозунг современности. Рынок позволяет наиболее эффективно, с большим числом вариаций соединять рассеянную информацию и рассеянные ресурсы, а если государство начинает концентрировать и использовать многократно уже оказавшийся контрпродуктивным вариант мобилизационной модели, вот, Петр, например, и Сталин, вообще большевики, использовали мобилизационный вариант развития, мобилизационный вариант вестернизации: соединим в одних руках и рванем в Европу, и станем частью мира. И вот Герцен пишет в «Былом и думах», и вот услышали былую поступь новой российской империи, и думали, что войдет воссияние, как Афина-Паллада из головы Зевса, во всеоружии гражданских, политических добродетелей; и полузадушенная раба предстала перед, и рукой железной Руси поднял на дыбы самодержец, и полузадушенная раба, и раб на коленях, как писал маркиз де Кюстин, мечтающий о мировом господстве. Вот что такое представляла в политическом отношении для западноевропейцев Россия.

И поэтому когда мы говорим, что Россия выполняет или не выполняет стандарты единые Европы, это не вопрос ПАСЕ, это наш вопрос. И мы европейцы, безусловно, и не потому, что Екатерина очень много сделала для европеизации, для европеизации очень много сделали все, даже Иван Грозный, даже Иван III, но европеизация была поверхностная. И я согласен с авторами докладов, что европеизации не подвергалось общество. И поэтому единственный европеец в стране, как писал Пушкин, наше государство. Единственное правительство при этом – единственный европеец в стране.

Поэтому 10-я масштабная модернизация Европы не обречена, если мы посмотрим на наши корни исторические, а они-то европейские. Европейская, я вот хочу на этой патетической, и традиция. Вот, в чем мы отстали? Вот, только, пожалуй, одно, не только в этом, но это особенно вопиюще. На западноевропейском политическом пространстве очень рано разделили империум и доминиум, то есть владение, личное владение государя, во французском языке – это «домен», и инструменты публичной власти – империум. У нас же все это сливалось: институт «собственности – власти» - феномен евразийский. Вот разорвать власть и собственность, империю-доминиум – наша задача. То, что собственно на наших глазах и происходит.

В.Рубанов. Ну, спасибо большое. Здесь был поднят еще один вопрос, вот, о роли государства в современных условиях. И как бы получается такой парадокс: с одной стороны государство объективно вытесняется и из политики, и из экономик, а с другой стороны возникает такая проблема – а что делать России, у которой слаб институт гражданского общества, у которой слаба корпоративная культура, и каким образом реагировать, так сказать, на процесс, который происходит в мире?

Мне кажется, все-таки мы не должны уходить от основной темы сегодняшнего доклада – это все-таки именно роль государства, потому что у нас другие темы будут обсуждаться. Просьба: во-первых, стараться соблюдать регламент – где-то порядка 5 минут, и говорить по теме. Слово предоставляется господину Красильщикову Виктору Александровичу. Пожалуйста.

В.Красильщиков. В тезисах, которые представил Вячеслав Алексеевич, предпринята попытка охватить очень, очень широкий круг проблем, причем этот круг настолько широк, что иногда возникает формально логические противоречия между различными пунктами, между различными тезисами, представленными нам на обсуждение. Я могу свои краткие замечания в рабочем порядке Вячеславу Алексеевичу передать, чтобы сейчас не занимать время.

Мне хотелось бы только обратить внимание на то, что надо внимательно посмотреть на внутреннюю корреляцию между 8-м и 10-м пунктами тезисов. Понимаете, сейчас роль государства, при том, что она уменьшается в сфере экономики, в сфере торговли, инвестиций, на самом деле возрастает в таких сферах, как научно-техническая политика, образование, все, что связано с накоплением человеческого капитала. Вот из этой сферы государство в общем-то не уходит и уходит не собирается. Больше того, именно в этой сфере, которая в значительной степени лежит за пределами собственно рыночных отношений, государство и может создать заделы, необходимые для повышения конкурентоспособности данной страны на мировых рынках.

В чем отличие между процессами глобализации, хотя я не уверен, что можно вообще говорить о глобализации применительно к сегодняшним процессам, которые происходят сейчас, и той глобализацией, которая имела место в начале 20-го века? Дело в том, что в начале 20-го века происходило как бы втягивание внесистемных зон в капиталистический мир-систему на положении периферии, полупериферии, но так или иначе капиталистическая мир-экономика расширялась. В основе этого расширения лежала экспансия индустриального производства, экспансия индустриализма, как количественная, так и качественная. Сегодня процесс носит, по меньшей мере, двойственный характер. Мы наблюдаем одновременно и выпадение из мир-системы, исключение из мир-системы. Ведь что характерно, например, для партизанского движения в мексиканском штате Чапас? Протест не против глобализации,

а протест против исключения из глобализации. Весь пафос тех манифестов, которые публикует Запатистский фронт национального освобождения, вывешивает их в Интернете, заключается не в том, что плоха сама по себе глобализация, а плох неолиберализм, который на практике означает исключение из процесса глобализации.

Есть, правда, и другие общественно-политические идейные течения, особенно в Азии, в Африке, в Центральной Азии, в том числе которые вообще выступают против глобализации, но это уже тема другого разговора.

Видите ли, нужно иметь в виду, когда мы говорим о роли государства и пытаемся эту роль государства в условиях глобализации оценить, иметь одно очень важное обстоятельство. Дело в том, что индустриальный капитализм худо-бедно нуждался в расширении рынков. А вот постиндустриальный посткапитализм может нуждаться в таком расширении, а может и не нуждаться. Ну, не нужен капитализму бывший третий мир, посткапитализму не нужен был третий мир в значительной степени. Кто-то нужен, а кто-то, вот, пусть живет сам по себе. И получается. Что весьма обширные регионы планеты, исключаясь из процесса глобализации, тем не менее оказываются в положении жертв этой глобализации через целый ряд посредствующих звеньев.

Наконец мне кажется, что нам надо бы подумать над тем, есть ли альтернативная модель глобализации. Значит, пока что нынешняя глобализация основана, так сказать, на оптимизации глобальных потоков ресурсов, финансов материальных и каких угодно, но не на инновационной деятельности, инновационная деятельность играет как бы подчиненную роль, она встроена, вот, в этот процесс глобальной перераспределительки. Это то, что можно назвать повторением позднего советского застоя, только в мировом масштабе на качественно ином уровне, на базе информационных технологий. Я бы это назвал, ну, несколько резко – «глобальным брежневизмом», вот что это такое. То есть Запад по существу сейчас в основном идет по пути покойного Советского Союза 70-80-х годов – определенные центры занимаются перераспределением ресурсов, пытаются оптимизировать их потоки. Я думаю, что это все-таки путь в тупик. А вот предложить альтернативную модель этому – да, Россия в принципе может. В принципе может, но как известно, между абстрактной возможностью и возможностью реальной есть очень большая дистанция.

И заканчивая свое выступление, я хотел бы поставить вопрос: а не переоцениваем ли мы наш интеллектуальный потенциал? Вот, я думаю, что переоцениваем, и я бы не стал возлагать на него такие большие надежды, к сожалению. Спасибо.

С.Караганов. Имеется в виду потенциал СВОП или потенциал страны?

В.Красильщиков. Нет, потенциал страны.

В.Рубанов. Спасибо большое. Я только хотел бы, так сказать, по этому вопросу небольшую реплику, так сказать. Значит, существует некая политическая элита с государством, которая рассуждает, и существует реальный процесс. Так вот, пока, так сказать, вот идут рассуждения на государственном уровне, есть интеллектуальный потенциал или нет интеллектуального потенциала, уже две структуры, которые как минимум мне известны, это – братья Черные и, так сказать, вторая, вот, буквально вчера разговаривал с одной компанией, создают второй вечный фонд для офшорного программирования. То есть эти те самые структуры, которые под лозунгом «русские, возвращайтесь домой», уже реально начинают этот потенциал использовать для мировых процессов, которые в России по объективным причинам не могут быть, так сказать, использованы. Потому что востребованности нет. На мировых рынках это востребовано. Поэтому вопрос заключается в том, что позиция государства «держат и не пущать» или помочь этим процессам с помощью таких людей, которые активно работают и так далее, обеспечить присутствие этого потенциала здесь, и как бы их работу на пользу мирового рынка. Поэтому на самом деле речь идет не о количестве

.....позицию займет. Поэтому, вот, есть как бы еще качественная сторона процесса, она уже идет независимо от того, каким образом себе государства. Спасибо. Следующим я предоставлю слово господину Богатурову.

А.Богатуров. Спасибо. Меня зовут Алексей Богатуров, я работаю в Институте США и Канады. Ну, и конечно, присутствую здесь и говорить буду исключительно в личном качестве, на всякий случай, и потому что самому себе я иногда, когда размышляю на тему глобализации, кажусь то махровым реакционером, то наоборот – страшным революционером. И это меня самого смущает, чтобы как бы не получилось каких-нибудь заявлений, которые могут приписать, там, моему институту, который, значит, мой экстремизм тот или другой может вовсе не разделять. Это первое.

Второе я хотел бы сказать, что я совершенно не чувствую себя, значит, вправе содержательно, каким-то образом там улучшать или сильно критиковать таких маститых коллег, которые, вот, представили сегодня два материала, один из которых я прочитал – это господина Никонова. И я хотел скорее говорить как бы о методологии написания доклада, во-первых, и о тех аспектах, которые не нашли отражения ни в том, ни в другом выступлении, и которые, с моей точки зрения, придали бы окончательному варианту доклада некоторую сферичность, потому что в том виде, как он прорисован, это частично нашло отражение в вопросах, которые задавались в этой аудитории, он кажется, как бы сказать, немножко плосковатым.

Вот по части методологии. Вот чтобы написать доклад, который кроме нас кто-нибудь еще будет читать, надо ухватить, мне кажется, некоторый нерв общественных ожиданий, да? Нельзя, я согласен с Сергеем Александровичем, нельзя, значит, там, глупо потому что ругать глобализацию, это неумно, это бесполезно. Я не уверен, что можно просто говорить – вперед, заре навстречу, навстречу этой самой глобализации, потому что в этом случае мы схватим только наименее изыскательную, наименее изысканную часть аудитории, а хочется, чтобы текст прочитали все-таки умные люди, а вот чтобы соответствовать запросу и умных людей тоже, без боли и крови, без напряженности, без противоречия в докладе нам не обойтись. Мы напишем такой текст, который кроме нас никто читать-то особенно не будет, что будет особенно печально.

И потому я волей-неволей концентрирую свое внимание на то обстоятельство, что мне кажется, вот, именно более глобализации, вот, ее внутренние противоречия, которые впрямую бьют по России – прогрессивно они бьют, регрессивно они бьют по России – они бьют по России, они бьют по нам, они бьют по нашему народу, по нашему чувству самоощущения, вот, по всем этим вещам. Эти вещи все равно надо прописать. Можно их прописать любым способом. Можно прописать – да, это бьет по нам, но мы должны себя к этой мысли приучить, потому что это неизбежно, и потому что есть шанс прорваться в хорошую позицию. Можно так написать. Можно написать любым другим способом. Нельзя, мне кажется, только вообще сделать вид, что этих проблем как бы вообще не существует, потому что, еще раз говорю, умный читатель в это не поверит. Все-таки же не зря мы страдали 10 лет за свободу мысли.

Вот у меня 6 с половиной таких, я думаю, кратких тезисов-замечаний, ну, впечатлений, скорее. Может быть они в какой-то мере обогатят окончательный вариант, может быть коллеги решат, что их не стоит принимать во внимание, но тем не менее.

Значит первое. Вот написан в докладе, вот, вопрос первый, который задал человек, который нас покинул драматически, в силу занятости. Вот, он очень мне созвучен. Мы пишем, как если бы не было никакой, даже теоретической, даже прописанной в книгах альтернативы, вот, тому, что называется глобализацией. Ведь как можно к этому подойти? С моей точки зрения, она, возможно, ошибочна, глобализация – она ведь еще помимо всего прочего, она еще о том, чтобы продлить существование этой нынешней модели экономического развития западного мира, которая показала себя, значит, с точки зрения, вот, бытовой и повседневной материальной в высшей степени эффективной. Хочется, чтобы так было и дальше, и эту вещь надо бы продлить, да. Но есть, я не принимаю еще точку

зрения, я только констатирую, что есть в литературе, есть огромная литература, которая утверждает о том, что этот тип развития – он во многом как бы экологически противоречив, потому что он построен на идее все-таки расширяющихся ресурсов потребления и плохо сочетается с идеями глобальной экологии. Есть, значит, целая такая политология истерическая – экололика, они все воспринимают через призму экологии. Я не сторонник, чтобы об этом говорить в докладе, но я знаю, что скончавшийся Никита Моисеев не был экололиком, он был достаточно, мне кажется, профессиональным человеком, чтобы на самом деле грамотным профессиональным языком выговаривать те идеи, которые все время включают в наш аналитический дискурс размышления серьезных людей по поводу глобализации, вот, вещи, связанные с экологией. Можно говорить, что такая альтернатива еще не вызрела, можно говорить, что такая альтернатива существует на уровне теорий. Ничего не сказать об этом – это значит показать, что либо мы просто работаем на некую пропагандистскую версию, либо мы просто не осведомлены о том, что такая литература существует.

Вторая вещь. Вот непосредственно к теме государства и имеет, с моей точки зрения, такое явление, как вот, формирование транснациональной службы национального капитала. Я сам для себя это так называю. Вот, с моей точки зрения, Гусинский и Березовский – это вот элементы солидарного транснационального капитала, который, значит, вот здесь вот работает. И это, строго говоря, так внешне может показаться, что я пою песню старую про ТНК и так далее, ММК и так далее. Это не совсем так. Я хотел бы, мне кажется, было бы полезным по крайней мере обозначить вопрос о том, что да, транснациональный солидарный капитал существует, да, в основе и того, это объективная тенденция, о которой говорил коллега Иноземцев, это все так есть, но давайте, по крайней мере, попробуем поставить проблему в рамках этой транснациональной солидарности, национально мотивированной или, пожалуйста, национально-государственно мотивированной преференции, эти юридические стереотипы – они имеют место или это все уже изжито? Боюсь, что не изжито. Теперь если мы напишем, что изжито, нам могут не поверить. А если им надо, чтобы поверили, давайте попробуем аргументировать. Ну, сам по себе этот транснациональный капитал реально здесь, он воздействует на наше государство, он участвует в нашем политикоформирующем процессе, и совсем пройти мимо этого? Мне кажется, что глобализация дает повод как раз подойти к этому серьезно, попытаться это хотя бы каким-то образом обозначить.

Третья вещь. Можно говорить, что дифференциация в мире, связана с глобализацией, все равно есть богатые, все равно есть бедные. Не хотите затрагивать эту вещь – богатые и бедные, скажите по другому – есть сильные и слабые. Вот здесь уж крыть нечем, точно есть. И глобализация противоречия или, скажем, как бы поляризацию сильных и слабых, хотя бы чисто позиционную, она ее обострила. И это одно из самых уязвляющих, как мне кажется, для, там, русского человека явление. Нужно это, ну, вот я здесь себя 10 лет к этой мысли приучаю, да, там, болею, приучаю, но понимаю, что все правильно – деться-то некуда, надо же жить как живется. Япония там действительно – «мэджибул», и она каким-то образом адаптировалась, но надо об этом сказать. Дифференциация мне кажется одним из важнейших аспектов глобализации. И здесь каким-то образом авторскую позицию прописать бы стоило.

Четвертое. Это вещь, связанная с мировым управлением. Вот тут те международные отношения, которые существуют сегодня, ну, вот, кто-то здесь сказал забавно про то, что чан какой-то, ну, какой-то чан бродильный, вот как это было сказано. Как бродильный чан – я не против. Объективная основа глобализации у меня лично, во всяком случае, никаких сомнений не вызывает, но значит ли это, что процесс глобализации есть процесс стихийный, неуправляемый? Да этого по определению быть не может в 20-м веке, уже наступает век 21-ый, потому что, уж во всяком случае, после распада биполярности в старом виде проблема мирового регулирования – она стала одной из ключевых. Более того, фактически в мире сформировалось две ветви мирового регулирования: одна – формально ООНовская, доживает там какие-то свои дни, не знаю, выживет или умрет; вторая неформальная –

«семерочная». Вячеслав Алексеевич включил вопрос о регулировании в один из предпоследних своих пунктов, пунктов своего доклада, вполне то, что там написано, у меня сомнений никаких не вызывает, но это, мне кажется, суженное понимание регулирования – это регулирование через международные экономические и финансовые институты. Это присутствует, но есть и другое, с политической точки зрения – более значимое, чем является, например, все-таки механизм «Семерки». Работает он на глобализацию или нет? Он совершенно независим или, вернее, глобализация вообще каким образом не испытывает влияния от «Семерки»? Ну, подозреваю, пройти просто мимо этого обстоятельства будет несколько наивно. Я думаю, это важный аспект для доклада.

А теперь я бы все-таки методологически развел то, что говорил коллега Иноземцев, ну, объективный, так сказать, вот, экономически мотивированные условия для ускорения глобализации – это один блок явлений. Но второй блок явлений – здесь, по-моему, близки к этому подошел Алексей Михайлович, но отчего-то в устном своем выступлении не стал формулировать. Есть же и другой, ну, назовите его – информационный, пожалуйста. Я его называю – виртуальный, потому что виртуальный, с моей точки зрения, включает в себя два таких контекста – с одной стороны, чисто информационный, с другой – информационно-манипуляционный, потому что глобализация – это не только то, что есть на самом деле, но и то, что мы думаем по поводу того, что происходит на самом деле, и что из Москвы кажется совершенно иначе, чем, вот из этого самого города Барнаула, с которым я тоже состою в активных, значит, отношениях, но уже, значит, традиционным способом связи. И там совершенно другое понимание реальности, да. Вот в чем дело. Эта вещь создает, вот, эта иллюзорная реальность глобализации – она, кто-то, вот, еще из коллег не уловил, сказал, что надо бы поуже понимать глобализацию, я согласен, может быть, не то чтобы поуже, а как бы точнее очертить то, что на самом деле является, а что на самом деле где-то как бы может быть а) и не является, а может быть, и б) просто за глобализацию продается. Это на самом деле тоже можно придумать, если чуть-чуть проявить фантазии, просто мне кажется, можно об этом подумать. Можно и не думать.

Теперь я понимаю, мне по работе в Институте США и Канады, вроде я должен, там, любить Соединенные Штаты, я их люблю по-братски, даже когда они меня обнимают, пытаются чуть-чуть придушить в объятьях, но все-таки меня эта вещь смущает. Очень деликатная тема – Соединенные Штаты и глобализация, с любой точки зрения. Но нельзя пройти мимо, не потому что как бы я хочу, а потому что товарищ Клинтон, который еще единственный действующий президент на территории Соединенных Штатов, написал в январе этого года, что вообще-то глобализация – это и есть обобщенная цель внешней политики Соединенных Штатов. Вот ни прибавить, ни отнять, так написано. Значит, что-то в этом есть, что позволяет американцам считать, что глобализация, с одной стороны, вот, сегодня песню поем, что это вселенское объективное явление, а американцы это вселенское объективное явление понимают как наше, американское, то бишь национальная внешнеполитическая задача. Можно говорить, что это случайность. Пожалуйста, давайте так скажем. Можно говорить, что это вообще там измышления некой части, значит, сумасшедших российских аналитиков, вот он я. Значит, можно это на самом деле, по крайней мере, обозначить, если не анализировать. Деликатность этого момента я очень хорошо понимаю, потому что, значит, много грантов мы на глобализацию получили, и многие написаны работы в том ключе, глобалистском, собственно глобалистском, о котором я говорил.

Теперь последнее, кажется, и половинка оставшаяся, я обещал б с половиной. Вот б-е – это проблема зависимости – независимости она напрямую ложится в тематику «государство и глобализация». И здесь тоже можно говорить, что зависимость России нынешняя от процесса глобализации, от внешнего мира – это здорово. На самом деле можно легко найти массу весомых аргументов против такой точки зрения. Можно обозначить, а можно не обозначать, что на самом деле зависимость России от внешнего мира в силу того, что она слишком асимметричная, да, это может быть не только здорово, а имеет некоторые издержки. Можно об этих издержках говорить подробнее или, там, лапидарнее. Вопрос

вкуса и концепции доклада. Но проблема зависимости, вот, взаимозависимости, независимости и просто сторонней зависимости – вот это вещи, которые как раз вот ту самую боль они и представляют. Ведь наша же задача, наверное, в какой-то части дать образованной публике, которая, значит, читает все-таки такие вещи, как доклады СВОП, возможность некоего варианта понимания реальности тех процессов, которые происходят.

И, наконец, половинка. Я больше сегодня говорил про международно-политический аспект этой темы, сознательно не влезая в сферу, где корифей Алексей Михайлович, внутривполитическую. Ну, слово «демократия», «демократизация» в башке у меня сидит крепко. Но с точки зрения, вот, всех вещей, о которых я говорил, вот эта вот демократия тоже прошла как-то мимо внимания автора. Она ведь связана с тем, что демократия, это помимо всяких внутривполитических вещей, связанных с партийным строительством, государством, гражданским обществом, она еще имеет смысл для России, для нашей страны – участия в управлении глобализационными проблемами. И вот если мы пририсуюем ту часть, о которой я говорил вначале, о том, что мировое управление – это аспект глобализации, то мы можем хорошо выйти на глобализацию. Значит, может речь идти и о том, чтобы в этом самом процессе международного управления Россия тоже имела возможность, не только Россия, а все страны, да, демократической, свободной, ну, я не знаю, равноправной, уместно ли такое слово, но тем не менее я знаю. Во всяком случае, наша приобщенность или, наоборот, отстраненность от управления глобализацией – это одна из крупных проблем, о которой надо говорить. Спасибо за внимание.

В.Рубанов. Спасибо. И я предоставляю слово господину Михееву, директору Института Дальнего Востока.

В.Михеев. Спасибо. Я бы хотел поделиться некоторыми мыслями относительно доклада Вячеслава Никонова насчет глобализации государства, текст которого я получил заранее. Доклад очень интересный и созвучный многим моим мыслям. Но сначала два слова об определениях. В сентябре этого года мы провели очень интересную конференцию с китайскими коллегами-учеными, в которой тема глобализации также поднималась. Вот в ходе дискуссии мы предложили трактование глобализации в двух смыслах – в широком и в узком. В широком смысле это – общецивилизационный процесс, который начинается с момента расселения по миру дикого первобытного человека в далеком прошлом и заканчивается единым миром в далеком будущем. Сейчас мы видим новый этап, связанный с окончанием холодной войны и современной информационно-коммуникационной революцией. В узком смысле глобализацию мы предлагаем понимать как тенденцию, которая пришла на смену противоборству капитализма социализму, опять же связанную с окончанием холодной войны и современной информационно-коммуникационной революцией. Так вот я в своем коротком выступлении буду понимать глобализацию во втором, узком смысле.

Читая доклад Вячеслава Никонова, я обратил внимание, что в нем содержится два подхода к роли государства в условиях глобализации. Первый подход в начале доклада помещен, и сводится он к тому, что роль государства ослабевает. Второй подход, более мне близкий, сводится к тому, что роль государства изменяется. Совершенно верно – она изменяется. Почему? Потому, что все больше проблем, которые раньше находились и решались на государственном уровне, переносятся на региональный и глобальный уровень видения, и, следовательно, требуют региональных и глобальных ресурсов. Так вот, естественно, что роль государства изменяется вследствие того, что глобализация заставляет государство делиться своим суверенитетом. Это факт, и это уже происходит. Но мало видеть только эту возможность, что государство делится своим суверенитетом.

Мне кажется, важно еще видеть и другую возможность, которая для данного государства появляется оттого, что и другие государства должны делиться своим суверенитетом. И вот если мы будем рассматривать изменение роли государства в таком ракурсе, то у нас не будет того противоречия, о котором говорил Караганов – защищаться нам или участвовать. Это совершенно очевидно, что и то, и другое. Для того, чтобы лучше

понять, как изменяется роль государства в условиях глобализации, я бы предложил рассматривать глобализацию в трех измерениях. Во-первых, как тенденцию объективную прежде всего экономического развития, ну, тут понятно, что есть и плюсы, и минусы, и государству надо стараться использовать эти плюсы и стараться защититься от минусов, ответить на вызовы. Во-вторых, как цель, которую ставят перед собой мировые политики, мировые лидеры. Здесь прежде всего речь идет о создании глобальных мировых структур экономического и политического регулирования, всем известные ВТО, МВФ, НАФТА, Европейский Союз, то, что происходит на Востоке.

И третье измерение глобализации, мне кажется, это методология анализа современных проблем при выработке внешней и внутренней политики. И вот здесь вот я бы хотел перебросить мосток к нашей экономической стратегии, разработанной Грефом, и мы об этом писали в своих записках на руководство. Вы знаете, главный недостаток экономической стратегии в том, что она плохо учитывает тот факт, что Россия развивается в условиях глобализации, причем глобализации, происходящей на общем и на региональном уровнях в виде развития открытого регионализма. И вот если мы попытаемся эту методологию применить, то мы увидим, что геоэкономическое положение России таково, что она находится между двумя интеграционными группировками – Западной Европой и формирующейся группировкой Юго-Восточной Азии. И на это обращают мало внимания. Россия участвует в ЕС, и это хорошо.

Но более интересным мне представляется участие в группировках с участием Китая, Японии и прочих. Вот на той неделе состоялся саммит стран АСЕАН плюс три. И на этом саммите прозвучали интересные предложения. Причем от кого – от китайцев! Прозвучало предложение преобразовать эти встречи, которые уже три года ведутся в рамках АСЕАН плюс три, в постоянно действующий восточно-азиатский форум, а в качестве первого шага создать в следующем году рабочую группу, которая будет снабжать правительства этих трех стран совместными согласованными предложениями относительно экономической политики. Так вот. для того, чтобы правильно применить глобализацию как методологию, мне кажется, надо решить главную задачу – адаптировать экономическую стратегию России к развитию и сотрудничеству России с двумя группировками. Условия российской экономики, которые находятся к Западу от Урала и к Востоку от Урала совершенно разные. Главное противоречие восточной экономики – это богатые ресурсы и малое население, следовательно, малые сбережения и малые инвестиции. И, во-вторых, это разница между условиями экономического сотрудничества, существующими в Европейском Союзе и формирующимися в Юго-Восточной Азии.

Один характерный маленький пример о трансграничном сотрудничестве. Россия подписала эту конвенцию с Евросоюзом, но вот встает вопрос как развивать сотрудничество с Китаем? Как в Евросоюзе нет? Вот как адаптировать российскую стратегию. Я сейчас не хотел бы об этом говорить, но хотел бы подчеркнуть, что в практическом применении глобализации для России главный вопрос состоит в том, как адаптировать нашу стратегию к сотрудничеству России и европейским и восточно-азиатскими союзами. Спасибо.

В.Рубанов. Спасибо. Я предоставляю слово Евгению Кожокину.

Е.Кожокин. Вы знаете, я когда читал очень интересные тезисы, изложенные Никоновым, то у меня все время возникал вопрос, о каком государстве идет речь. Потому что здесь представлено абстрактное государство, которое якобы существует в мире и все государства равны между собой. Между тем возможно никогда действительно в истории столь жесткой дифференциации между государствами не было. И не случайно само понятие fail state появилось. Ведь ни в начале века, ни в 19 веке мы его не имели. А сейчас это понятие, я считаю, даже слишком мало используется, потому что с помощью этого понятия можно охарактеризовать не только значительное количество стран экваториальной Африки, которая демонстрирует во всей своей красоте, что значит жить без государства, но и часть наших постсоветских государств тоже относятся к fail state, и это – реалья, с которой мы сталкиваемся.

И с этой точки зрения проблема изменения сущности государственного суверенитета в условиях глобализации совершенно по-разному встает. Для fail states это одна ситуация совершенно эфемерная, существующая в основном на уровне ООН, которая по старинке признает, что есть там государство Берег Слоновой Кости что бы там не происходило на этом берегу. С другой стороны есть государства, которые, понимая всю сложность своего существования в условиях глобализации, совершенно целенаправленно встали на путь создания какого-то мегагосударства, что мы видим в ЕС. Они целенаправленно, совершенно осознанно частично отказываются от суверенитета. И есть государства, которые не отказываются ни от какого суверенитета, и вообще эти бредовые идеи там не присутствуют. И нельзя сказать, что происходит уменьшение государства. И, кстати говоря, здесь вспоминали о примате международного права над национальным законодательством. Так вот это совершенно по-разному трактуется в Соединенных Штатах, там в общем-то вообще не признается примат международного права над национальным законодательством, и в Европе, где все это, так сказать, отчасти признается. Поэтому, мне кажется, что вот эту коррективу нужно внести.

Следующий тезис касается нас. Вот, скажем, даже на нашем обсуждении звучала некоторая такая традиционно российская критика государства. Это игра, в которую мы, я имею в виду русскую интеллигенцию начиная с Радищева, играем с очень большим успехом. Бей государство, критикуй и разрушай, это святое дело. И не случайно те, кто у нас пытался скажем не столько критиковать государство, сколько критиковать общество, оказываться интеллектуальными маргиналами. Есть такой у нас писатель, и мы не можем понять кто он – классик, не классик. Ну, не приятный писатель. Салтыков-Щедрин. Очень не приятный. Он написал какую-то историю города Глупова. Взял нас и всех оскорбил. Вот у нас какое государство глупое из века в век, а мы все хорошие. А он написал, что мы все глуповцы к чертовой матери. Просто не писатель, а сукин сын. Извините. Вот. Был и другой документ, «Вехи», который возмутил всю российскую общественность, от Владимира Ильича Ленина до Милюкова. Кто только не бросал камнями в авторов за то, что они посмели критиковать интеллигенцию. Государство критиковать святое дело.

А вот сейчас, говоря о глобализации, мы оказались в тяжелой ситуации, связанной с нашей национальной традицией. Государство, и в этом я действительно согласен и с первым, и со вторым докладчиком, на вызовы глобализации часто органически по своей сути не может ответить. На вызовы глобализации может ответить и по большому счету отвечает общество. У государства слишком ограниченные возможности. А общество как раз и оказалось в значительной степени не готовым к тому, во что оно уже втянуто. Мы уже втянуты в процесс глобализации. И наши программисты, которые действительно специалисты в области soft wear, которые уже выехали и помогают Силиконовой Долине, где русская речь слышится до неприличия часто. Но и здесь, если проанализировать деятельность небольших, но очень талантливых ГРОБ, даже не в Москве, в Перми, в Челябинске, как эти ребята работают, получая очень небольшие деньги с точки зрения реальной стоимости своего интеллектуального продукта, но очень солидные и нормальные деньги для Челябинска или Перми. Они работают на нормальные, там, назовем их «транснациональные» корпорации или американские корпорации. Все сегодня работают, иногда там есть цепочки, что они работают на какую-то израильскую компанию, а в свою очередь израильская компания этот продукт продает американцам, притом в итоге на самом деле, ну, используя старый марксистский термин, идет эксплуатация как наших людей, так, кстати говоря, и израильских, потому что реально им также не доплачивают, также не доплачивают. И это, вот, один из примеров того, с чем мы сталкиваемся.

И вот тут вот, возвращаясь к вопросу о государстве, да, государство что-то может сделать, но очень ограниченный, к сожалению, ресурс у государства, чтобы защитить собственных граждан. И вот тут вот действительно это сложная задача – выявить, что все-таки государство может сделать, не ставить перед ним абсолютно завышенные задачи, а ставить перед ним реальные задачи, что оно может сделать для того, чтобы просто не

происходила, я бы сказал так, сверхэксплуатация лучших мозгов Российской Федерации, так как от этого теряем мы все. Спасибо.

В.Рубанов. Спасибо. И я позволю одну реплику небольшую. Дело в том, что пример того, как государство должно, вот, действовать в условиях организации и использования интеллектуального потенциала, дает нам Индия, которая, так сказать, именно исходя из повышенного спроса современного мирового рынка, прежде всего Америки, на программистов, создала у себя в стране индустрию. Она фактически взяла под опеку, вот, эти структуры, и предметом, так сказать, экспорта из Индии на 5 миллиардов составляет, так сказать, этот самый программный продукт. Поэтому в принципе разрозненно, и я знаю как бы эту проблему, не понаслышке знаю людей, что российский программисты не ждут, когда государство все-таки что-то в информационном отношении сделает для них. Это просто, вот, по роли и месту государства, вот, в этих процессах. Поэтому мне кажется, здесь сама по себе проблема есть.

И второе – какие есть государственные инструменты. Я могу сказать, что на следующий год примерно два миллиарда долларов планирует на собственное переоснащение информационными технологиями. Куда идут эти деньги – они попадают в карман завхозов, в основном. То есть государство абсолютно не имеет ни политики информатизации, ничего. Поэтому ресурс на самом деле у государство, так сказать, есть, но сама политика использования этих средств для того, чтобы, так сказать, само общество и государство приближались, ну, будем говорить, к стандарту, на сегодняшний день нет. И мне кажется все-таки, вот, говоря об общих проблемах, нужно было бы одновременно затронуть и проблемы, которые помогут реально государству на них внимание обратить, и я бы призвал выступающих тоже и прагматические эти вопросы тоже в своих выступлениях затрагивать. Я прошу прощения. Следующее я предоставляю слово Цыпляеву.

С.Цыпляев. Уважаемые коллеги, докладчик, с которым я хотел немножко поспорить, вышел, но тем не менее я хочу следующие соображения сказать. Вот здесь прозвучало и в докладе, и в записке такая мысль, что, вот, есть хороший процесс глобализации. Единственное, что может сделать государство, это расслабиться, и где-то приспособливаться к этой тенденции. И это единственно возможная роль этого государства.

На самом деле если посмотреть, как развивается ситуация, то ясно, что объективно экономическая глобализация ведет к довольно неравномерному развитию, поскольку по миру интеллектуальные и сырьевые ресурсы распределены весьма неравномерно. Пусть в этом не сомневается никто. И ясно, что это могло бы быть скомпенсировано перемещением граждан вслед за ресурсами, когда глобализация приводит к уменьшению числа центров принятия решений, к концентрации финансовой мощи. И граждане разные, жители земли могли бы поехать туда, где все очень хорошо, и много богатых. Здесь мы видим одну стратегию поведения государств, стран первого мира, которые категорически препятствуют любым процессам глобализации в части перемещения граждан, выступая за перемещение капиталов, сырья и так далее, и тому подобное. То есть мы видим, что стратегия на самом деле состоит в том, чтобы обеспечить максимально выгодные условия собственному государству, собственному обществу в условиях глобальных процессов. И при этом вы видите визовую политику, которая ужесточается, ужесточается и ужесточается. Вам не дадут въехать в любую страну, какие бы флаги и где бы свободного перемещения там ни вывешивались на политическом уровне. Значит, одно поведение государства в условиях глобализации – приветствовать одни процессы и препятствовать другим.

Точно также по-другому ведут себя государства, которые оказываются объектом, вот, о чем уже говорилось, отсоса – и интеллектуальных ресурсов, и сырьевых, и прочих. Они объективно вынуждены способствовать там увеличению информации, привлечению технологий и препятствованию этих процессов исчезновения продуктов из той страны, в которой они находятся. И поэтому не существует единого поведения государства, не существует единой концепции, и глобализация вообще носит достаточно сложный, противоречивый характер.

Поэтому я считал бы необходимым четко описать, что Россия не является той страной, которая сегодня может вести себя и проводить такую политику, как Соединенные Штаты, как страны Европы, она вынуждена будет в каких-то вопросах приветствовать открытость, а именно: при внесении сюда менеджмента, при внесении сюда технологий, при внесении сюда возможностей организации производства, а в каких-то вопросах вынуждена будет несколько самоограничиваться, стараясь все это затащить сюда и здесь оставить, дабы не оказаться в положении или чистого склада, или чистого магазина для идей, сырья и производства. Вот, собственно, что хотел я сказать, что на самом деле роль государства не столь однозначна, проста, в том числе как и роль глобализации.

В.Рубанов. Спасибо. Я слово для реплики предоставляю Иноземцеву.

В.Иноземцев. Буквально вообще маленькая реплика по предыдущему выступлению. Я просто хотел бы сказать, что предыдущий выступающий сказал о том, что развитые западные государства не проводят глобализацию в выборе части ресурсов. Вот я не говорил так однозначно, потому что основным производственным ресурсом в современном обществе является интеллектуальный потенциал и информация. Так вот, я бы сказал, что в плане интеллектуального потенциала развитые государства проводят крайне широкую глобализационную политику в плане обеспечения условий для притока туда наиболее квалифицированных кадров. Граждане как таковые не являются ресурсом на сегодняшний день. И обеспечивать их приток по всему миру как бы столь же активно, как и приток капитала, не имеет никакого смысла для развитых стран. А для интеллектуальных ресурсов как бы свобода передвижения – она сохраняется, если только не растёт.

С.Цыпляев. Можно контрреплику? Я бы не хотел вставать на позицию как раз решения задач развитых стран. Я просто говорил следующее. Если вы выступаете адептом свободного движения капитала, свободного движения, не говоря, что это в интересах нашей страны или Соединенных Штатов, то вы тогда выступаете и адептом свободного движения граждан: он хочет и едет, селится там, где хорошо. Это позволило бы выравнивать средний уровень жизни. Совершенно прагматично развитые государства закрывают въезд каждому желающему, потому что оно говорит, что вот эти процессы глобализации нам выгодны, и мы их поддерживаем, а вот этот процесс глобализации – перемещение граждан по миру свободы – нам не выгоден, и мы его останавливаем.

В.Иноземцев. Не поэтому, потому что развитые государства, любая глобализация – это активное движение производственных ресурсов. Интеллект, капитал, земельная собственность – это есть производственные ресурсы. Праздношатающиеся негры – не есть производственные ресурсы, и их надо удерживать в тех местах, где они находятся.

В.Рубанов. Вячеслав Алексеевич, пожалуйста.

В.Никонов. Я позволю себе немножко, если хотите, заключительных ремарок, потому что мне уже на телевидение просто ехать надо, у меня тоже «дайв лайв». Я не ожидал, что сегодня будет столь оживленная и длительная дискуссия по моему первому опусу в области глобализации.

Несколько общих замечаний. Значит, ну, прежде всего большая благодарность всем, кто взял на себя труд почитать эти тезисы, которые были больше, чем изначально требовались. От нас требовалось 4 страницы, но в 4 страницы уложиться не удалось. Ну, правда, это во многом и объясняет, ну, как бы многие замечания, потому что рассказать обо всем было абсолютно невозможно. Я хочу сказать, что в рамках, вот, доклада, который готовит СВОП, там предполагается ясно и отдельный раздел по экологии и глобализации. Это очевидно, что вопросы там капитализации интеллекта не совсем вписываются в эту тему. Вопросы общества и социальные структуры общества, там, влияние глобализации на этот процесс – это отдельные доклады, и так далее. То есть многие замечания носят, конечно, правильный, на мой взгляд, характер, но они не сюда, как бы на будущее скорее.

Много было правильных содержательных замечаний, и естественно, очень многое будет учтено. Вот здесь интересный возник вопрос: насколько мы вписываемся в эти

глобализационные процессы. И Марк об этом говорил Масарский, и Володя Рыжков. И какой в результате этого нам надо сделать выбор, буквально, цивилизационный выбор, то есть должны ли мы соответствовать требованиям Европейского Союза, и должны ли мы как поляки соответствовать всем, там, 322, может быть, не страницам, а томам, требованиям Европейского Союза? Ну, здесь действительно очень ответственный выбор, потому что соответствовать можно много чему. Ну, можно соответствовать, скажем, американской модели, которая абсолютно не соответствует, там, 360 томам или 362, американцы абсолютно не ставят перед собой цели соответствовать Европейскому Союзу, или можно соответствовать, скажем, японской модели. Как собственно всегда стоит проблема выбора, скажем, системы телевидения: это будет ПАЛ/Секам, да, или НТС. Мы будем брать ДжиСМ в качестве телефонной схемы основной или какую-нибудь другую там, ту же самую американскую. Это вопрос выбора, вопрос и вкуса, и выбора, и вопрос практический, даже практичный, если хотите. Это вопрос практичности. То есть здесь естественно тут же встает вопрос: зачем, зачем нам полностью соответствовать европейской модели? Для поляков вопрос совершенно понятен, да, они хотят в Европейский Союз, если не будут соответствовать на все 100, то их туда просто не примут, это их выбор. Если мы уверены, что нас примут в Евросоюз, тогда мы должны это делать, если у нас уверенность, что нас когда-нибудь примут в Евросоюз. И второй вопрос: есть ли уверенность, что нам нужно в Евросоюз. Во всяком случае те наши люди, которые сталкивались хорошо с брюссельской бюрократией, говорят, что ни в коем случае этого нам делать нельзя. Поэтому как бы соответствовать – для этого нужны очень сильные стимулы, потому что те же поляки – они сейчас приносят в жертву, там, интересы трудящихся, социальные программы, там, черт знает чего для того, чтобы соответствовать. Но у них есть для этого стимулы, есть объяснения, что надо, надо, вот, потерпеть, скоро мы будем в Евросоюзе, и мы окажемся в раю. Но как мы будем продавать нашему народу соответствие требованиям европейского Союза, я себе с большим трудом представляю.

Поэтому для России, конечно, вот этот вопрос цивилизационной принадлежности – он не решается совершенно однозначно. И здесь может быть правильная постановка вопроса, которая была о том, что нам надо соответствовать как бы и европейской, да, модели, и азиатской модели интеграционной, по крайней мере. И мы будем здесь еще очень долго на самом деле мучиться и дергаться и в одну сторону, и в другую, и в конце концов придем к выводу, что мы в полной мере не интегрируемы ни туда, ни сюда. Потому что когда, вот, сейчас, вот, я был на «Европа – форум» очередной, и там, значит, выступал Иванов и настаивал на том, что тема его доклада не «Россия и Европа», а «Россия в Европе». И первый вопрос, который ему был задан, скажите, а в Азии Вы тоже на этом настаиваете? При этом тут же последовал вопрос от присутствующего товарища из Сингапура, который спрашивал, а чего вы нам там мозги вправляете в ОСЕАНе, что вы, это самое, что вы азиатская страна? И так далее.

То есть, вопрос здесь не такой однозначный. Я, откровенно говоря, не готов здесь уже в этом докладе говорить о том, как мы должны ориентироваться.

Ну, и целый ряд других замечаний. Спасибо. Ну, мы с Алексеем Михайловичем, я не знаю, какой будет приказ начальства, да, что мы должны с этими докладами делать. Если приказ будет дорабатывать, мы это сделаем с удовольствием, учтя все замечания. Спасибо.

В.Рубанов. Ну, Вячеслав Алексеевич, видимо, такой приказ и будет, вот он здесь у меня на столе уже лежит, подготовленный проект.

И я хотел бы слово для реплики предоставить Алексею Михайловичу по дискуссии, которая образовалась.

А.Салмин. Ну, у меня маленькая реплика. Только реплика. Причем тот, кого это касалось, Сергей Цыпляев, ушел. Речь шла о том, есть ли какая-то единая позиция у самых разных государств, которые втянуты в этот глобализационный процесс. Я думаю, что на самом деле они ведут себя все на редкость одинаково. Если Европейский Союз ужесточает визовой режим на границе с Россией, то мы делаем тоже в отношении Грузии. Это –

нормальная реакция государства, которое пытается в этой ситуации выжить, сохраниться, замкнуться как-то.

В.Рубанов. Спасибо. Я хотел бы объявить, что у нас еще 3 записавшихся для выступления. Это – Григорьев, Нецадин и Золотарев. Ну, и видимо докладчики оставшиеся подведут итоги сказанному. Пожалуйста, Леонид Маркович.

Л.Григорьев. Спасибо. Замечательно выступать, когда докладчик ушел. Чувствуешь себя совершенно свободно.

В.Рубанов. Но у нас два докладчика. И второй все передаст.

Григорьев. А-а, черт. Ну, ладно, я тогда вежливо.

Во-первых, в докладе по тексту надо окончательно договориться. Я не разделяю одного замечания, которое я услышал. На мой взгляд, автор не до конца для себя решил, глобализация – это неизбежная тенденция развития или это дохрына империалистическая, подкинутая нам, с которой мы должны бороться каким-то образом, тормозить пятками и т.д. Глобализация как она идет в экономическом плане – явление нормальное, деться некуда. Роль наша в ней незавидная, да. Но деться некуда. Бороться с ней устно или подсознательно это нудизм. Причем в этой глобализации у развитых стран есть свои проблемы, которые сильно не похожи на наши, как проблемы млекопитающих не похожи на проблемы земноводных. Но все борются с глобализацией по-своему. Гаага показывает это и многие другие вещи. А подсчет голосов во Флориде просто обнадеживает, что у них тоже есть проблемы.

Второе. Государство, да, слабеет, но слабеет в развитых странах начиная с определенного уровня развития. Слабеет в том смысле, что перестает выполнять те функции, которые раньше делало. Их берет на себя гражданское общество. Но пока ты не вышел на этот уровень ослабление государства в том смысле опасно, что оно может прозевать те события, которые разваливают остатки гражданского общества, которые потом опять не соберешь. Ну, отчасти мы это наблюдаем.

Третье. Очень важно в будущем глобализованном мире в России создать хотя бы имитацию гражданского общества. Мне очень совестно, но хотя бы имитацию. Потому что каналы общения и киплинговский клич «Вы и я одной крови» будут существенны в ближайшие поколения. Если Россия не сможет выставить на международную арену нормальное гражданское общество, хотя бы маленькое, кислое, но которое могло бы говорить «Вы и я одной крови», у нас будут большие проблемы на уровне государства.

Четвертое. В докладе есть проблема разведения государства и страны. Интересы страны, интересы государства, интересы гражданского общества в разных аспектах не совпадают. Государство имеет свою внутреннюю, так сказать, логику развития, свой интерес, и проблема заключается в том, что государство должно решать некоторые проблемы гражданского общества, некоторые проблемы развития страны и уходить, оставляя это другим силам. И проблема с государством вообще, а особенно с нашим, войдя в эту проблему, не может потом уйти. Поэтому проблема взаимодействия гражданского общества в России не в том, чтобы разрешить или допустить государство что-то сделать, это, видимо, необходимость, а в том, чтобы, решив эту проблему, оно отошло, дало возможность тем силам, которые призваны решать эти проблемы в мире, решать их.

Пятое. Значит, решение вопросов гражданского общества, коррупции, СМИ и т.д. это фактор страны, и страна не должна снаружи идентифицироваться с государством. Одна из наших проблем сейчас в том, что как в советские времена мы страну начинаем ассоциировать с государством, а не с гражданским обществом. И мы как представители гражданского общества должны с этим всячески бороться.

Дальше. Это я пропущу, пропущу, пропущу для экономии времени. Теперь критика государства неизбежна в обществах, поскольку государство начнет просто разваливаться под этим давлением. Действительно, в России есть традиция, что государство всегда плохое,

и история России мрачная по части государства, и в этом плане проблема установления равновесия между гражданским обществом и критика признания гражданского общества, где та или иная группа интеллигенции не является доминирующей, не является носителем истины, эта проблема существует. На мой взгляд это постепенно за 10 лет начало решаться само собой и мы так незаметно для себя двигаемся к размежеванию, так сказать, роли государства и гражданского общества. Внешние эффекты и какие-то конфликты, на мой взгляд, носят традиционно показательный характер. А на низах если мы посмотрим рейтинги политических сил, фигур, социальных проблем вообще нет. По Москве ходит бумага про Индию, которую я и написал. И про Ирландию тоже я написал. Ну, не я один, с моими ребятами. С Индией мы разбирались. Там ситуация немножко иная. Последние события с индийским high tech, это просто для справки, были следующими. Первое. Индусы вывезли дикое количество индусов- программистов в Штаты. Потом они стали заказчиками на дешевых индийских ребят там, индийское производство программистов построено на советских политехнических институтах, построенных для Ганди в 50-х годах. У них из средних школ в дальнейшее обучение уходит 7 % населения, а у нас – 40 %, у американцев – 80 %. Но поскольку нас ровно во столько же раз меньше, чем индусов, то количество людей окончивших среднюю школу, одинаково. Плюс средняя зарплата ниже, плюс средний класс стал на три порядка в материальном положении ниже. А у них там все на английском. Я завтра буду выступать в РАГСе на Круглом столе по офшорному программированию.

И есть маленькая проблема, я вам ее покажу. Microsoft загоняет нас в гетто языковое: нам переводят chat как беседку, shortcut как ярлык, и создается искусственный язык. Очень скоро мы превратимся в японцев, которые моделируют на компьютерах 16 киями свои иероглифы, чтобы читать, чтобы работать в Интернете, поскольку по закону они должны писать на родном языке. Какого хрена? Мы должны сделать полную идентичность, прямой перевод русских программ на английском, и предоставим русский язык любви и ненависти. И в программах надо писать на английском или в полном русском эквиваленте. Завтра, я не буду влезать в это дело сейчас. Мы можем работать в этом деле, но нам гораздо тяжелей именно из-за того, что доходы в России гораздо ниже и нам тяжелей занять ту нишу, которую заняли индусы. Они все гонят за рубеж и практически не пользуются в отличие от ирландцев, которые вышли на 4-5 место в мире по потреблению информационных технологий.

Вот, и последнее, что касается нашего среднего класса. Мы не успели на сегодня, но может быть на этой неделе мы издадим книжку и готовы будем приехать вам рассказать, что у нас происходит со средним классом. Просто будет готова книжка. Мы ее в любом случае СВОПу разошлем, это без проблем.

Что же касается доклада, то я думаю, что он – provocative, и прошу позволить посмотреть на эти вещи уже в доработке.

В.Рубанов. Спасибо. Я просто одну небольшую реплику хотел бы по поводу. Мне безусловно известна вся технология. И я когда говорил о роли Индии, я обратил внимание на проблему, но я не говорил о технологии ее решения. Это первое обстоятельство.

И второе обстоятельство в том, что я говорил о том, что сейчас наши частные структуры начинают выполнять те функции, в том числе и патриотические, которые должно делать государство, но не делает, а частные компании начали делать. вот что принципиально важно. А я не берусь за решение проблемы, хотя я - человек, который эту проблему знает живьем. И если есть компания, которую я консультирую, которая работает в России и в Китае, то в России она борется за технологию, чтобы что-то свернуть, и это считается совместным производством, а в Китае добавляют мозговую часть продукта, и китайцы борются за это. Как бы в Китае три тысячи программистов, и мозги к американскому металлу они придумают сами. Вот в этом правильное позиционирование государства должно быть определено, что оно должно поддерживать – отсталые индустриальные взгляды или роль программного добавочного продукта в процессе совместного производства. Извините, я просто отреагировал на реплику. Пожалуйста, Андрей Нещадин.

А.Нешадин. Так, ну два доклада моих здесь есть, с ними можно ознакомиться, и касаться их я не буду. Всего два момента. Посмотрите внимательно, сейчас у нас с вами произошел экономический ...

.....схема только одна и та же: и те, и другие в общем-то не очень понимают, что происходит, слишком много пытаются повесить на государство. А в рядности происходит очень интересно: то, что во многих губерниях само понятие «губерния» скоро пропадет. Там, губерния у нас старое понятие: губерния – компартия и выше только Москва. Они принимают решения в своем блоке, Москва принимает решения в своем блоке. Сегодня, когда мы пытались составить карту северо-запада - где там чьи интересы и кто там принимает решения (ну, решения по Костамукшинскому блоку принимает «Северсталь» в Череповце, решения в районе Архангельска принимает «Елграт» - там интересы их) – и когда архангельский кандидат объясняет, что они будут требовать, чтобы нефтеперерабатывающий завод стоял в Архангельске, то все прекрасно понимают, что если он будет убыточен, то никто его в Архангельске не поставит. И это решение будет принимать далеко не губернатор. И сейчас решения по северо-западу, это так, для примера, сосредоточены в рамках государств Балтийского моря по одной простой причине: если Эстония, Литва и Латвия лишатся наших транзитов, то покрывать разницу в бюджете придется им. А кому, спрашивается, это надо? Посему и идет предупреждение от Дании, что они готовы закрыть датские проливы для прохода российских танкеров и т.д., и т.д. Поэтому Прибалтику должны и будем продолжать кормить мы.

Если брать интересы по лесопереработке, то интересы финнов – получить от нас продукт средней переработки, интересы Швеции – получить только полусырье для выхода на европейские рынки, интересы Германии – получить конечный результат для противодействия Швеции через свои торговые организации. И плюс еще интересы ЕС, которые тоже не совпадают – одни требуют транспортный коридор через Выборг на Тверь, вторые пробивают транспортные коридоры через Варшаву туда же, на Тверь, с различными грузопотоками, закольцованными в кольцо. А там еще и другие интересы... И такой вот получается многослойный пирожок. То есть на территории той же самой бедной Псковской губернии наслаивается такое количество игроков, что, в принципе, попытки дать дополнительные полномочия для губернатора выглядят довольно любопытно, и как полное непонимание того, что происходит.

Причем часть нашей технологии надо понимать так, что в России только хвосты технологии. Мы можем сколько угодно обсуждать программирование российских людей и российских программистов, но мы пока ни сил, ни вызовов, ни требований не имеем. А вот в любой момент нам опять сделают антидемпинговую процедуру по стали, никелю и список можно продолжать – это пожалуйста. Причем надо понимать, что мы очень зависимы, поскольку у нас не головы технологий, а хвосты.

Также эта глобализация сказывается и на региональных взаимоотношениях. То есть явно весь северо-запад гораздо больше тяготеет к Европе, чем, скажем, центральные области. И если взять Дальний Восток, то мое впечатление после моей последней поездки в Китай и разговоров с китайскими научными центрами такое, что мы его уже проиграли. Он может оставаться политически российским, он может оставаться в юрисдикции России, но экономически, а главное по проникновению и фильтрации населения мы его проиграли. У нет сейчас ни денег, ни людских ресурсов на подъем Востока. 8 миллионов активного (ну, старше 18 лет) населения от Курил до Читы – вот и все население Востока. И 1 миллиард 300 тысяч китайцев, и еще 20 миллионов рождающихся постоянно.

Отсюда возникает следующий посыл, о котором еще говорил Караганов, что несет глобализация нам в этих взаимоотношениях. Все здесь сейчас говорили о попытке создать гражданское государство и т.д. Я понять не могу, чего тогда ждали? Что корпоративное государство возникнет с люмпеном в виде пролетариата? Без интеллигенции? Или что чиновники договорятся о своей корпорации партий? Корпорации сейчас возникают, но они возникают среди крупных бизнесменов и крупных менеджеров. Как только мы положили на

это последние семь месяцев работы, об этом где-то в прессе было заявлено, что одни побелели, другие покраснели, третьи создают мощнейшую лоббистскую силу и далее по списку. От «Ведомостей» до «Коммерсанта» прочитать могли все. тогда и реакция, извините, если возникает корпоративная, то поддерживать надо в этом направлении. Пока же только идут крики, что нехорошие олигархи соединяются с хорошими красными директорами, либо хорошие красные директора с плохими олигархами – в зависимости от реакционных систем. Процесс серьезнейший, труднейший. Последнее бюро в пятницу показало, что не все так просто. Но пока пытаются создать такую систему. Так, по крайней мере, надо пока то, что есть, что получается сохранять. И экономический рост в ближайшие два-три года будет определять не правительство. А будут решать именно собственники и менеджеры. Вот как решат они, так и будет.

В.Рубанов. Спасибо. А прошу прощения. Для реплики слово. Пожалуйста, Марк Вениаминович.

М.Масарский. У меня просто есть дополнение к двум предшествующим выступлениям не в плане полемики. Не надо увлекаться количественными оценками. Поскольку если только количественно оценивать наше соотношение с Западом или даже с Индией, то мы, конечно, должны тушить свет. У нас столько же выпускников средних школ, сколько в Индии. Но дело в том, что, например, основная масса населения не имеет того, что на научном языке называется лингвистическим или психолингвистическим, т.е. тезауруса мировой культуры. Сколько там не навешивай компьютеров, ничего не выйдет, поскольку они не справляются с задачей этой глобализации, включения в мировой глобализационный процесс. А наше население гораздо ближе к мировой цивилизации. Ведь еще Достоевский говорил о всемирной отзывчивости русской интеллигенции.

Теперь по поводу цифр. Да, действительно, у нас, например, совокупный капитал всех российских коммерческих банков в 120 раз меньше, чем капитал одного единственного японского банка «Бэнк оф Токио – Мицубиси». В 120 раз! Но это не значит, что все наши банки в совокупности в российской экономике значат меньше, чем один «Бэнк оф Токио» в японской экономике. С меньшими ресурсами они выполняют не меньшие задачи, а большие. Или, например, капитализация всех российских ценных бумаг составляет всего-навсего (но он недооценены) 40 миллиардов долларов. Это примерно капитализация «Интела». Так это что, значит, что все наши гиганты, тот же «Газпром», весят в экономике меньше, чем «Интел» или столько же? Но это же невероятно. Здесь другая система счета.

В.Рубанов. Спасибо. Павел Семенович.

П.Золотарев. Спасибо. Ну, можно, конечно, долго еще спорить, что вкладывать в понятие «глобализация». Я имею в виду, что можно сразу обратиться к вопросу, который нам уходя оставил в наследство наш вождь: что же делать государству? Ну, видимо, на одних направлениях государство должно от этих последствий вполне объективных процессов защищаться, там где это связано с отсосом ресурсов из России, а на других направлениях активно внедряться. Прежде всего, наверное, ну, я не знаю, как у нас будет тут с транснациональными корпорациями, которые тут у нас в России зародятся, но с попыткой поставить себе цель, чтобы чужие ресурсы тех корпораций, где внедряется наш интеллектуальный потенциал, работали не на отсос ресурсов, а чтобы они шли сюда, надо пробовать, и государство должно создавать для этого условия.

И еще несколько слов по поводу затрагивавшегося здесь уже не единожды вопроса о гражданском обществе. Эта проблема для нас действительно актуальна. Правда, Константин Затулин на последней ассамблее СВОП очень неудачно пошутил, примерно как тот боцман на пароходе, он сказал, что у нас гражданское общество формируется на базе спецслужб. А у нас и государство стало формироваться на базе спецслужб. Но суть в том, что у нас на данном этапе укрепления государственности объективно неизбежно создаются субъективные предпосылки, которые затрудняют процесс формирования гражданского общества.

В то же время на глобальном уровне, очевидно, той силой, которая первоначально будет противостоять отрицательным проявлениям действий транснациональных структур, может даже будут институты гражданского общества, но надгосударственные. И если мы отстаем в формировании своего гражданского общества, то и там это отставание последует. Наверное, это – плохо. А наше отставание здесь... Я даже приведу пример. У нас содействие формированию гражданского общества заложено в Законе «О государственной безопасности». Наверное, такого нет ни у одного государства. Но зато в концепции национальной безопасности, которая вышла, ни слова нет об этом. Это по поводу гражданского общества.

И я не могу, как человек, который недавно снял погоны, не затронуть военную сферу. Мы о ней совсем не говорили. Если говорить о субъектах процессов глобализации, то их как бы два. Одни – те, которые более - менее работают в правовом пространстве, другие – криминальные. Но и тем и другим нужна опора на военную силу, которая нужна для разрешения тех или иных возникающих противоречий. Это, наверное, неизбежно. Но что касается тех, которые работают в правовом пространстве, они, видимо, будут в первую очередь опираться на структуры типа многонациональных сил, миротворческих операций, то, что сейчас появилось в рамках НАТО и Европейского Союза. И здесь нам тоже нужно определиться.

И вторая составляющая – транснациональные криминальные структуры. Вот их единственный способ проявить себя в этой сфере – это терроризм. Я думаю, что здесь у них будет арсенал методов, которые могут быть использованы в этой сфере, и он будет развиваться активно, начиная от информационного и вплоть до ядерного терроризма. И эта угроза будут усугубляться. Поэтому, готовя в перспективе доклад, мне хотелось бы тоже на эту военную тему обратить внимание. Все спасибо.

В.Рубанов. Спасибо. И я хотел бы слово предоставить, если других желающих нет, а мы как раз попадаем в график 20-ти часов, Алексею Михайловичу Салмину. Если есть какие-то вопросы, пока еще есть время...

А.Салмин. Я буду краток. Я думаю, что товарищ Никонов от нас уже сделал уходящее завершение. Но в заключение у нас всегда идет интересная дискуссия. Один написал доклад, но его не успели прочитать, другой не успел во время раздать написанное. Поэтому обсуждали в общем-то кто что слышал и кто что прочитал. Ну, я думаю, что обсуждение было достаточно интересным. И в общем-то больше для стенограммы, для будущих докладов, в которых и мы с Никоновым будем участвовать, я думаю, что можно сделать два основных вывода.

Первый. Доклад, в общем-то, надо все-таки писать о глобализации как об очень противоречивом и сложном явлении и сразу же отказаться от стереотипов. Писать без восторгов и без ужаса. Попытаться достаточно разносторонне описать это явление, потому что заранее нельзя никогда сказать, что выйдет на поверхность, какая сторона завтра станет более важной. Здесь упоминали Верховный Суд Флориды. Я помню, когда лет 10 назад я был в этом здании, и очень милая дама, член этого Верховного Суда водила меня по нему и рассказывала, что здесь нет ничего интересного, что так жарко, что кондиционеры не работают, иногда приходится от жары вообще в одной мантии ходить и что в этом провинциальном месте так скучно, что вообще никогда ничего не произойдет.

И второе. Я думаю, что сконцентрирован должен быть доклад на вызовах России. По сказать говоря, мы с Никоновым сегодня не собирались особенно говорить об этом, поскольку здесь все пошло несколько необычным путем. Мы наметили в рабочей группе 8 тем, даже 9 тем, включая международное право и экономику, экологию, демографию и многое другое. Предпоследней была тема «Глобализация и современное государство», но она стала первой темой для обсуждения. Ну, хорошо. И предполагалось, что в этом большой докладе будет заключение, которое будет посвящено последствиям для России. Я сейчас подумал, что надо каждую из глав построить в этом ключе. А заключение сделать поменьше

и дать там уже конкретные рекомендации. А в остальном, мы с Никоновым как двуглавый орел благодарим вас за выступления и замечания. Все учтем и все доработаем. Спасибо.

В.Рубанов. Спасибо. И если можно я перед заключением тоже два слова хотел бы сказать. Мне кажется, вот, в чисто методологическом плане, Алексей Михайлович, здесь была дискуссия, вот, мне кажется, здесь все-таки у нас терминологически понятия «государство» и «власть» не разделяются. На самом деле в этих государствах как политический союз граждан и власть – вот их необходимо в этом контексте немножечко разделять, потому что мы входим в очень тонкие сферы, и не везде, вот, огрубление языка помогает нам точно разобраться, вот, в этих процессах.

Второе. Вот когда мы говорим о ТНК, и, вот, была здесь фраза брошена о том, что чужие ТНК, ТНК – они ТНК, то есть мы можем быть членами ТНК, а можем быть не членами ТНК, тем более что сам по себе феномен ТНК – он трансформируется в теневые структуры, где можно быть участником разделения труда. Поэтому, как мне кажется, нужно все-таки осовременить, вот, эти как бы, и во всяком случае, если проблемы возникнут, то их, может быть, более точно в тексте доклада отметить.

О роли государства. Мне кажется из дискуссии, речь идет не об ослаблении роли государства, а об изменении ее роли и функций, потому что, так сказать, то, что общество испытывается на разрыв процессом глобализации, как раз предполагает усиление государства, чтобы общество не разошлось по швам. То обстоятельство, что на мировой арене нужно решать многие проблемы, то мы по сути дела переносим многие вопросы, даже как бы в связи с отказом от договорных суверенитетов, роль государства лишь на внешней арене усилится. То есть, на самом деле мы уже, видимо, должны отказаться от термина «ослабление роли государства», а нужно говорить об изменении роли государства. Это будет более корректно и более точно воспринято, так сказать, вот, обществом и политиками.

И один вопрос, который не прозвучал, но он как бы шел, так сказать, в контексте, но дело в том, что процесс глобализации, современные, вот, эти процессы информатизации и перехода к структурам наукоемкого производства – они делают предметом инвестиций человека. И проблема социализации государства, и проблема, так сказать, вот, того, что прежде всего главными инвестициями являются инвестиции в человека, и государство должно, во-первых, само заниматься этим, входя, так сказать, в образовательные структуры, и поддерживать, так сказать, структуры, которые занимают инвестициями в человека. Мне кажется, с этой проблемой, так сказать, никто не будет спорить. И мне кажется, вот, существуют такие на самом деле консолидирующие моменты, которые могут объединить все эти точки зрения, просто их, мне кажется, нужно было бы акцентировать в более сильной форме, и тогда он бы, может быть, доклад вызывал меньше, так сказать, дискуссий. Но это моя личная точки зрения.

И я хотел бы поблагодарить всех присутствующих на сегодняшнем мероприятии и объявить следующее: следующее заседание будет через 3 недели, по следующей теме. Приглашения будут разосланы, а стенограмма нынешнего мероприятия – она будет доступна в электронном виде через Интернет, и обращаться по всем вопросам к дирекции СВОП необходимо по этому вопросу.

Спасибо.